

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

Distr.
LIMITED

A/CN.4/L.608/Add.3
17 July 2001

RUSSIAN
Original: ENGLISH

Комиссия международного права

Пятьдесят третья сессия

Женева, 23 апреля - 1 июня и 2 июля - 10 августа 2001 года

**ПРОЕКТ ДОКЛАДА КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
О РАБОТЕ ЕЕ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ**

Докладчик: г-н Цичжи Хэ

ГЛАВА V

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА МЕЖДУНАРОДНО-
ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ**

Добавление

**E. Текст проектов статей об ответственности государств за международно-
противоправные деяния (продолжение)**

2. Текст проектов статей и комментарии к ним (*продолжение*)

ГЛАВА V

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРОТИВОПРАВНОСТЬ

1) В Главе V сформулированы шесть обстоятельств, исключающих противоправность поведения, которое в противном случае не соответствовало бы международным обязательствам соответствующего государства. Наличие в конкретном случае обязательства, исключающего противоправность в соответствии с данной Главой, служит защитой от вполне обоснованной в любой иной ситуации ссылки на нарушение международного обязательства. Такими шестью обстоятельствами являются: согласие (статья 20), самооборона (статья 21), контрмеры (статья 22), форс-мажор (статья 23), бедствие (статья 24) и состояние необходимости (статья 25). В статье 26 четко оговаривается невозможность опираться ни на одно из этих обстоятельств, если это привело бы к нарушению императивной нормы общего международного права. В статье 27 рассматриваются некоторые последствия ссылок на одно из этих обстоятельств.

2) В русле подхода, принятого в рамках настоящих статей, изложенные в Главе V обстоятельства, исключающие противоправность, носят общее применение. Если не предусмотрено иное¹, они применяются к любому международно-противоправному деянию вне зависимости от того, затрагивает ли оно нарушение государством какого-либо обязательства по норме общего международного права, договору, одностороннему акту или любому другому источнику. Они не аннулируют и не прекращают обязательств; вместо этого они оправдывают или извиняют их неисполнение, пока такое обстоятельство сохраняется. Это было подчеркнуто Международным Судом в деле "*О проекте строительства гидроузла Габчико-Надьмарош*". Венгрия пыталась показать, что противоправность ее решения прекратить работу по строительству объекта в нарушение ее обязательств на основании Договора 1977 года исключается состоянием необходимости. При рассмотрении этого заявления Венгрии Суд заявил:

"Состояние необходимости, на которое ссылается Венгрия, даже если бы его наличие было установлено, не позволило бы сделать вывод о том, что ... она действовала в соответствии с ее обязательствами по Договору 1977 года или что они перестали носить для нее обязательный характер. Она позволила бы только утверждать, что в сложившихся обстоятельствах Венгрия не будет нести международной ответственности за свои действия"².

---

¹ Например, договором об обратном, который являлся бы *lex specialis* в соответствии со статьей 55.

² "*Проект Габчико-Надьмарош (Венгрия/Словакия)*", *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 39, para. 48.

Таким образом, должно проводиться различие между действием обстоятельств, исключающих противоправность, и прекращением самого обязательства. Обстоятельства в Главе V представляют собой скорее орудие защиты, нежели нападения. Как отметил Финцморис, когда вступает в силу одно из обстоятельств, исключающих противоправность, "неисполнение является не только оправданным, но и выступает в качестве предпосылки к возобновлению исполнения, как только исчезнут факторы, вызывающие неисполнение и оправдывающие невыполнение его..."³.

3) Подобное различие четко прослеживается в решениях международных трибуналов. По делу о судне "*Рейнбоу Уорриор*" Суд посчитал необходимым применять как нормы права международных договоров, так и нормы права ответственности государства: первые для решения вопроса о том, сохранял ли договор свою силу, а вторые - для решения вопроса о том, к каким последствиям должно приводить нарушение договора, сохраняющего свою силу, включая вопрос о том, исключается ли противоправность соответствующего поведения⁴. В деле "*Габчиково-Надьмарош*" Суд отметил следующее:

"Даже если будет установлено наличие состояния необходимости, оно не является основанием для прекращения договора. На это обстоятельство можно сослаться только для освобождения от ответственности государства, которое не выполнило договор. Даже в случае его обоснованности оно не прекращает договора; договор может не иметь силы в течение всего того времени, пока сохраняется состояние необходимости; он может быть бездействующим, но по-прежнему существовать, если, конечно, стороны не прекратят его по обоюдному согласию. Как только состояние необходимости прекращается, вновь возникает обязанность выполнять договорные обязательства"⁵.

---

³ Фитцморис, "Четвертый доклад по праву международных договоров", *Yearbook ... 1959*, vol. II, p. 41.

⁴ Дело "*Рейнбоу Уорриор*" (*Новая Зеландия/Франция*), *R.I.A.A.*, vol. XX, p. 217 (1990), at pp. 251-252, para. 75.

⁵ *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 63, para. 101; see also p. 38, para. 47.

4) Хотя одни те же фактические обстоятельства могут, к примеру, приводить к форс-мажорной ситуации в соответствии со статьей 23 и к последующей невозможности исполнения в соответствии со статьей 61 Венской конвенции о праве международных договоров⁶, две эти ситуации различны. Форс-мажор оправдывает неисполнение обязательства до тех пор, пока такое обстоятельство существует; последующая невозможность оправдывает прекращение договора или его приостановление в соответствии с условиями, предусмотренными в статье 61. Первый действует в отношении конкретного обязательства, последняя - в отношении договора, который является источником этого обязательства. Различается не только сфера применения этих двух доктрин, но и порядок их применения. Форс-мажор извиняет невыполнение в течение какого-то времени, однако договор при этом не прекращается автоматически в силу последующей невозможности: для этого хотя бы одна из сторон должна принять решение о его прекращении.

5) Концепция обстоятельств, исключающих противоправность, уходит своими корнями в деятельность Подготовительного комитета к Гаагской конференции 1930 года. В числе своих положений для обсуждения⁷ он привел два "Обстоятельства, при которых государства могут отказаться от своей ответственности", а именно: самооборону и репрессалии⁸. Он считал, что объем ответственности государства в контексте дипломатической защиты может также зависеть от "вызывающего поведения" потерпевшего (Положение для обсуждения № 19) и что государство не может нести ответственности за ущерб, нанесенный его вооруженными силами "в ходе подавления восстания, мятежа или иных беспорядков" (Положение для обсуждения № 21). Однако эти вопросы так и не нашли своего окончательного разрешения.

6) Категория обстоятельств, исключающих противоправность, была разработана Комиссией международного права в ее работе по международной ответственности за

---

⁶ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331.

⁷ *Yearbook...* 1956, vol. II, pp. 223-225.

⁸ *Ibid.*, pp. 224-225. Вопросы, порождаемые клаузулой Кальво и исчерпанием внутренних средств правовой защиты, рассматриваются в том же разделе.

ущерб иностранцам⁹ и выполнение международных договоров¹⁰. Тогда вопрос об обстоятельствах, извиняющих невыполнение международных договоров, не был включен в Венскую конвенцию о праве международных договоров. Он относится к праву ответственности государств.

7) Обстоятельства, исключаяющие противоправность, следует отличать от других причин, по которым государству может быть разрешено избежать ответственности. Они не имеют ничего общего с вопросами компетенции суда или трибунала рассматривать спор или допустимость искового заявления. Их необходимо отличать от необходимых условий обязательства, т.е. элементов, которые должны существовать для того, чтобы вопрос о противоправности мог возникнуть вообще, и которые в принципе предусматриваются самим этим обязательством. В данном смысле обстоятельства, исключаяющие противоправность, можно сравнить с возражениями по иску или оправданиями по внутригосударственному праву, и описанные в главе V обстоятельства признаются многими правовыми системами, зачастую в тех же формулировках¹¹. С другой стороны, какого-либо общего подхода к этим обстоятельствам во внутреннем праве нет, и условия и ограничения применения Главы V были разработаны на самостоятельной основе.

8) Статьи не затрагивают не только вопросов юрисдикции судов или трибуналов, но и вопросов доказывания и бремени доказательств. В двустороннем споре по поводу ответственности государств задача установления ответственности в принципе лежит на государстве, обращающемся с требованием. Когда поведение, вступающее в противоречие с международно-правовым обязательством, может быть присвоено государству и государство пытается избежать своей ответственности, ссылаясь на какое-либо из обстоятельств по главе V, роли меняются, и бремя представления доказательств для оправдания или извинения своего поведения ложится на это государство. На практике часто бывает, что только самому этому государству полностью известны все факты, которые могут извинять невыполнение им обязательства.

---

⁹ *Yearbook...* 1958, vol. II, p. 72. Обсуждение обстоятельств Гарсией Амадором см в его "Первом докладе об ответственности государств", *Yearbook...* 1956, vol. II, pp. 203-209, и его "Третий доклад об ответственности государств" *Yearbook...* 1958, vol. II, pp. 50-55.

¹⁰ Фитцморис, "Четвертый доклад по праву международных договоров", *Yearbook...* 1959, vol. II, pp. 44-47, а его комментарий см. *ibid.*, pp.63-74.

¹¹ См. сравнительный обзор С. von Bar, *The Common European Law of Torts*, vol. 2 (Munich, Beck, 2000), pp. 499-592.

9) В главе V указаны все обстоятельства, исключаяющие противоправность, которые ныне признаются таковыми по общему международному праву¹². Некоторые другие кандидаты в этот перечень были исключены. Например, изъятия, касающиеся неисполнения (*exceptio inadimpleti contractus*), лучше рассматривать как отражающие интерпретацию некоторых взаимных или синаллагматических обязательств, а не как самостоятельную норму международного права¹³. Принцип, согласно которому государство не должно извлекать выгоду из своего собственного противоправного деяния, может иметь последствия в вопросах ответственности государств, но в данном случае речь скорее идет о общем принципе, чем о конкретном обстоятельстве, исключаящем противоправность¹⁴. Так называемая доктрина "чистых рук" упоминалась главным образом в контексте допустимости исков в международных судах и трибуналах, но редко применялась на практике. Ее не следует включать в этот текст¹⁵.

---

¹² О последствиях отягощения ущерба потерпевшим государством или другим субъектом см. статью 39 и комментарий. Оно не исключает противоправности, но учитывается при определении размеров и формы возмещения.

¹³ Сравните особые или несогласные мнения судьи Хадсона и судьи Анцилотти в деле "*Об отводе вод реки Мёз (Нидерланды против Бельгии)*", 1937 год, *P.C.I.J., Series A/B, No. 70*, p. 4, at pp.50, 77. См. также Фитцморис, "Четвертый доклад по праву международных договоров", *Yearbook...* 1959, vol. II, pp. 43-47; D.W. Greig, "Reciprocity, Proportionality and the Law of Treaties", *Virginia Journal of International Law*, vol. 34 (1994), p. 295; и компаративный обзор см. G.H. Treitel, *Remedies for Breach of Contract. A Comparative Account* (Oxford, Clarendon Press, 1987), pp. 245-317. В отношении связи между изъятием, касающимся неисполнения, и контрмерами см. ниже, комментарий к Части 3, Глава II, пункт 4).

¹⁴ См., например, дело "*О фабрике в Хожуве, Юрисдикция*", 1927, *P.C.I.J., Series A, No 9*, p.31; ср. с делом "*О проекте Габчиково-Надьямарош*", *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 67, para. 110.

¹⁵ См. J.J.A. Salmon, "Des 'mains propres' comme condition de recevabilité des réclamations internationales", *A.F.D.I.*, vol. 10 (1964), p. 225; A. Miaja de la Muela, "Le rôle de la condition des mains propres de la personne lésée dans les réclamations devant les tribunaux internationaux", in *Mélanges offerts à Juraj Andrassy* (The Hague, Martinus Nijhoff, 1968), p. 189, и несогласное мнение судьи Швебеля в деле "*О действиях военного и полувоенного характера в Никарагуа и против нее*" (*Никарагуа против Соединенных Штатов Америки*), *рассмотрение по существу*, *I.C.J. Reports 1986*, p. 14, at pp. 392-394.

Статья 20

Согласие

Юридически действительное согласие государства на совершение конкретного деяния другим государством исключает противоправность этого деяния в отношении первого государства, в той мере, в какой это деяние остается в пределах вышеуказанного согласия.

Комментарий

- 1) Статья 20 отражает основополагающий принцип согласия по международному праву в конкретном контексте Части I. В соответствии с этим принципом согласие государства на определенное поведение другого государства исключает противоправность такого деяния по отношению к предоставившему свое согласие государству, если такое согласие является действительным и в той мере, в какой поведение остается в пределах данного согласия.

- 2) Предоставление государствами согласия на действия других государств, которые без такого согласия приводили бы к нарушению международного обязательства, встречается на каждом шагу. Простые примеры включают в себя транзит через воздушное пространство или внутренние воды государства, размещение каких-либо служб на его территории или проведение на ней официальных расследований или дознаний. Однако необходимо проводить различие между согласием с какой-либо конкретной ситуацией или конкретным образом действий и согласием в связи с самим основополагающим обязательством. В случае двустороннего договора государства-участники в любое время могут договориться прекратить или приостановить договор, в случае чего проистекающие из этого договора обязательства также будут прекращены или приостановлены¹⁶. Но вне всякой связи с такой возможностью государства вправе не требовать выполнения какого-либо обязательства, взятого перед ними в индивидуальном порядке или вообще предоставить разрешение на действия, которые (при отсутствии такого разрешения) были бы противоправными по отношению к ним. В подобных случаях первичное обязательство продолжает действовать в отношениях между двумя государствами, будучи приостановлено лишь в отношении конкретного случая или для целей данного конкретного поведения в силу предоставленного согласия.

---

¹⁶ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года; *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331, art. 45 b).

3) Согласие на совершение в ином случае противоправного действия может быть предоставлено государством заранее или даже в момент совершения такого действия. В отличие от этого случай предоставления согласия уже после совершения деяния было бы уместнее рассматривать в качестве формы исключения или уступки, ведущих к утрате права ссылаться на ответственность. Этому посвящена статья 45.

4) С тем чтобы исключать противоправность, согласие на неисполнение обязательства в данном конкретном случае должно быть "юридически действительным". Вопрос о действительности согласия решается нормами международного права, выходящими за рамки ответственности государств. Это включает в себя следующее: имеются ли у агента или лица, предоставивших согласие, полномочия делать это от имени государства (а если нет, то знало ли или должно было ли знать действующее государство об отсутствии таких полномочий) либо не является ли согласие недействительным, будучи дано по принуждению или в силу действия каких-либо других факторов¹⁷. Действительно, может встать вопрос о том, способно ли вообще государство предоставить свое юридически действительное согласие. Ссылка на "юридически действительное согласие" в статье 20 подчеркивает необходимость рассмотрения этих вопросов в определенных случаях.

5) Вопрос о том, имеют ли какое-либо конкретное лицо или орган полномочия давать согласие в данном конкретном случае, никак не связан с вопросом о том, можно ли присвоить поведение этого лица или органа государству для целей Главы II. Например, возник спор по поводу того, может ли согласие, данное какой-либо региональной властью, использоваться в качестве законного предлога для направления иностранных войск на территорию государства, или же такое согласие может быть получено только от центральных властей и подобные вопросы нельзя решить, сказав, что действия региональных властей подлежат присвоению государству на основании статьи 4¹⁸. В других случаях ставилась под сомнение "законность" власти, предоставившей согласие. Иногда законность согласия оспаривалась по той причине, что согласие было выражено в

---

¹⁷ См. например, вопрос о согласии Австрии на аншлюс в 1938 году, рассмотренный Нюрнбергским трибуналом. Трибунал не признал наличия согласия Австрии; даже если бы оно было дано, оно было бы получено под принуждением и не извиняло аннексию. См. International Military Tribunal for the Trial of German Major War Criminals, judgement of 1 October 1946, reprinted in *A.J.I.L.*, vol 41 (1947), p. 172, at pp. 192–194.

¹⁸ Этот спор возник в связи с направлением бельгийских войск в Республику Конго в 1960 году. См. *S.C.O.R.*, *Fifteenth Year*, 873rd meeting, 13–14 July 1960, особенно заявление представителя Бельгии, paras. 186–188, 209.

нарушение соответствующих положений внутригосударственного права. Эти вопросы зависят от норм международного права, касающихся выражения воли государства, а также норм внутригосударственного права, ссылки на которое в ряде случаев содержатся в международном праве.

6) Решение вопроса о том, кто обладает полномочиями давать согласие на отход от какой-либо конкретной нормы, может зависеть по крайней мере в известной степени от этой конкретной нормы. Одно дело – давать согласие на проведение обыска на территории посольства, и совсем другое – на создание военной базы на территории государства. Различные должностные лица или учреждения могут обладать такими полномочиями в различных контекстах в соответствии с договоренностями, достигнутыми каждым государством и общими принципами фактических или презюмируемых полномочий. Но в любом случае некоторые требования должны быть соблюдены, для того чтобы согласие можно было считать юридически действительным. Согласие должно быть свободно данным и четко установленным. Оно должно быть действительно выражено государством, а не просто презюмироваться, исходя из того, что это государство дало бы свое согласие, если бы его об этом попросили. Согласие может аннулировать в силу ошибки, мошенничества, подкупа или принуждения. Руководством в этой связи служат принципы, касающиеся действительности согласия на международные договоры.

7) Помимо привлечения внимания к предпосылкам действительного согласия, включая вопросы о полномочиях на согласие, требование юридически действительного согласия служит еще одной цели. Оно указывает на существование случаев, при которых юридически действительное согласие вообще не может быть дано. Этот вопрос обсуждается в связи со статьей 26 (соблюдение императивных норм), которая касается всей Части V в целом¹⁹.

8) Примеры данного государством согласия, делавшего определенное поведение правомерным, включают в себя разрешение комиссиям по расследованию заседать на территории другого государства, осуществление юрисдикции в отношении находящихся с визитом в стране вооруженных сил, операций по оказанию гуманитарной помощи и спасанию, а также арест или задержание физических лиц на территории других государств. В деле "*Саваркара*" арбитражный суд посчитал, что арест Саваркара не был нарушением французского суверенитета, поскольку Франция косвенно согласилась на

---

¹⁹ См. комментарий к статье 26, пункт 6.

этот арест в силу того, что ее жандарм помогал британским властям произвести арест²⁰. При рассмотрении применения статьи 20 к подобным случаям может быть необходимым учитывать соответствующую первичную норму. К примеру, только глава дипломатического представительства может согласиться на доступ принимающего государства на территорию представительства²¹.

9) Статья 20 касается отношений между двумя соответствующими государствами. В обстоятельствах, когда требуется согласие со стороны ряда государств, согласие одного из них не будет исключать противоправности в отношении другого государства²². Кроме того, при ссылке на согласие в качестве основания, исключающего противоправность, будет необходимо продемонстрировать, что соответствующее поведение уместно в пределах этого согласия. Согласие на пролет коммерческих воздушных судов другого государства не исключало бы противоправности такого пролета воздушных судов, перевозящих войска и военное снаряжение. Согласие на размещение иностранных войск в течение какого-то времени не исключало бы противоправности размещения таких войск сверх этого времени²³. На эти ограничения указывают слова "конкретного деяния" в статье 20, а также формулировка "остается в пределах вышеуказанного согласия".

---

²⁰ *R.I.A.A.*, vol. XI, p. 243 (1911), at pp. 252-255.

²¹ Венская конвенция о дипломатических сношениях, 16 апреля 1961 года, *U.N.T.S.*, vol. 500, p. 95, статья 22 (1).

²² Согласие Австрии на предлагаемый таможенный союз в 1931 году не исключало бы его противоправности в отношении обязательства уважать независимость Австрии, которое Германия взяла перед всеми сторонами Версальского договора. Аналогичным образом согласие Германии не исключало бы противоправности таможенного союза в отношении обязательства поддерживать свою полную независимость, вытекающего для Австрии в силу Сан-Жерменского договора. См. "*Таможенный режим между Германией и Австрией*" 1931, *P.C.I.J., Series A/B, No. 41*, p. 37, at pp. 46, 49.

²³ Несоблюдение условия, которым оговаривалось согласие, не обязательно выводит поведение за пределы согласия. Например, согласие на посещение вооруженными силами территории государства может оговариваться требованием по оплате арендной платы за пользование услугами. Хотя невыплата такой арендной платы, несомненно, явилась бы противоправным деянием, следствием этого не станет превращение таких временно находящихся в стране вооруженных сил в оккупационную армию.

10) Статья 20 предусматривает лишь согласие государств на поведение, которое в противном случае приводило бы к нарушению международного обязательства. Международное право может также учитывать согласие негосударственных образований, таких, как корпорации или частные лица. Вопрос о том, в какой степени инвесторы могут отменить действие норм о дипломатической защите на основании заблаговременной договоренности, давно вызывал споры, однако в соответствии с Вашингтонской конвенцией 1965 года согласие инвестора на арбитраж в соответствии с Конвенцией имеет силу приостановления права на дипломатическую защиту со стороны государства гражданства инвестора²⁴. Права, предусмотренные международными договорами о правах человека, не могут быть аннулированы их бенефициариями, однако свободное согласие индивида может иметь отношение к их применению²⁵. В этих случаях конкретная норма международного права сама по себе допускает такое согласие и определяет его действие. В отличие от этого в статье 20 изложен общий принцип применительно к осуществлению прав и выполнению обязательств государствами.

Статья 21

Самооборона

Противоправность деяния государства исключается, если это деяние является законной мерой самообороны, принятой в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Комментарий

1) Существование общего принципа самообороны как изъятия из запрета на применение силы в международных отношениях никем не ставится под сомнение. Статья 51 Устава Организации Объединенных Наций предохраняет "неотъемлемое право" государства на самооборону перед лицом вооруженного нападения и составляет часть определения обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения,

---

²⁴ Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств, Вашингтон, 18 марта 1965 года, *U.N.T.S.*, vol. 575, p. 159, статья 27 (1).

²⁵ См., например, Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 декабря 1966 года, *U.N.T.S.*, vol. 999, p. 171, статьи 7; 8 (3); 14 (1) g); 23 (3).

предусмотренного в статье 2 (4). Таким образом, государство, осуществляющее свое неотъемлемое право на самооборону, предусмотренное в статье 51 Устава, не нарушает, в том числе даже потенциально, статью 2 (4)²⁶.

2) Самооборона может оправдывать поведение в отношении обязательств, помимо тех, которым посвящена статья 2 (4) Устава. Традиционное международное право решало эти проблемы путем создания самостоятельного правового режима войны, определяющего объем прав воюющих и приостанавливающего основные договоры, действующие в отношениях между воюющими сторонами, после начала войны²⁷. В период Устава объявления войны носят исключительный характер и военные действия, провозглашаемые в качестве самообороны одной или обеими сторонами, происходят между государствами, которые формально находятся "в мире" друг с другом²⁸. Венская конвенция о праве международных договоров оставляет такие вопросы одной стороне, предусматривая в статье 73, что Конвенция не предпринимает "ни одного из вопросов, которые могут возникнуть в отношении договора... из-за начала военных действий между государствами".

3) Это не означает, что самооборона исключает противоправность поведения во всех случаях или в отношении всех обязательств. В качестве примеров можно сослаться на международное гуманитарное право и обязательства в области прав человека. Женевские конвенции 1949 года и Протокол I 1977 года равным образом применяются ко всем сторонам в международном вооруженном конфликте, и то же самое можно сказать об

---

²⁶ Ср. "О законности угрозы применения или применения ядерного оружия", *I.C.J., Reports 1996*, p. 226, at p. 244, para. 38; p. 263, para. 96, где подчеркивается правомерность применения силы в порядке самообороны.

²⁷ См. также A. McNair and A.D. Watts, *Legal Effects of War* (4th edn.) (Cambridge, Cambridge University Press, 1966), p. 579.

²⁸ В деле "О нефтяных платформах (Исламская республика Иран против Соединенных Штатов Америки), предварительное возражение", *I.C.J., Reports 1996*, p. 803, никто не оспаривал, что Договор о дружбе 1955 года оставался в силе, несмотря на многочисленные акции военно-морских сил Соединенных Штатов против Ирана. В этом деле обе стороны согласились с тем, что такие акции будут правомерными в той степени, в которой их можно обосновать самообороной.

обычном международном гуманитарном праве²⁹. Договоры о правах человека содержат положения, допускающие ограничение содержащихся в них гарантий во время чрезвычайных ситуаций, включая принятие мер в порядке самообороны. В отношении обязательств по международному гуманитарному праву и непреложных положений в области прав человека самооборона не исключает противоправности поведения.

4) Международный Суд в своем консультативном заключении по делу "*О законности угрозы применения или применения ядерного оружия*" дал некоторые указания по этому вопросу. Один из вопросов, рассматривавшихся Судом, заключался в том, будет ли применение ядерного оружия неизбежно влечь за собой нарушение обязательств по охране окружающей среды ввиду масштабности и долговременности ущерба, причиняемого таким оружием. Суд заявил:

"Вопрос состоит не в том, применимы или не применимы договоры, касающиеся охраны окружающей среды, во время вооруженного конфликта, вопрос скорее состоит в том, являются ли по своему предназначению обязательства, вытекающие из этих договоров, обязательствами проявлять абсолютную сдержанность в ходе вооруженного конфликта. Суд не считает, что договоры, о которых идет речь, по своему намерению могли бы быть направлены на то, чтобы лишить государство возможности осуществлять свое право на самооборону по международному праву по причине наличия у него обязательств по защите окружающей среды. Тем не менее государства должны принимать во внимание экологические соображения при оценке того, что является необходимым и соразмерным, в ходе достижения законных военных целей. Должное принятие во внимание соображений, связанных с охраной окружающей среды, является одним из элементов процесса оценки соответствия той или иной акции принципам необходимости и соразмерности"³⁰.

---

²⁹ Применительно к нормам международного гуманитарного права Суд в своем консультативном заключении по делу "*О законности угрозы применения или применения ядерного оружия*", *I.C.J. Reports 1996*, p. 226, at p. 257, para. 79, что они представляют собой "нерушимые принципы международного гуманитарного права". О взаимосвязи между правами человека и гуманитарным правом во время вооруженного конфликта см. там же, p. 240, para. 25.

³⁰ *I.C.J. Reports 1996*, p. 226, at p. 242. para. 30.

Государство, действующее в порядке самообороны, "полностью сдерживается" международным обязательством, если также обязательство сформировано или предназначено для того, чтобы оно предназначалось в качестве вполне определенного ограничения даже в отношении государств в вооруженном конфликте³¹.

5) Статья 21 по существу исключает противоправность поведения государства, действующего в порядке самообороны, по отношению к нападшему на него государству. Однако в некоторых обстоятельствах это может приводить к последствиям для третьих государств. В своем консультативном заключении по делу "*Об угрозе применения или применении ядерного оружия*" Суд отметил, что:

"Как в случае принципов гуманитарного права, применимых во время вооруженных конфликтов, международное право не оставляет сомнений относительно того, что принцип нейтральности, каким бы ни было его содержание, обладающий основополагающим характером, аналогичным характеру гуманитарных принципов и норм, применим (подпадает под соответствующие положения Организации Объединенных Наций) ко всем международным вооруженным конфликтам вне зависимости от того, какие виды оружия могут быть применены"³².

Норма о нейтральности ограничивает поведение в отношении воюющей стороны от поведения в отношении нейтральных сторон. Однако существование состояния войны не проходит бесследно для нейтральных государств. Статья 21 оставляет открытыми все вопросы о воздействии мер, принятых в порядке самообороны, на третьи государства.

6) Таким образом, статья 21 отражает общепризнанную позицию, согласно которой законная самооборона исключает противоправность принятых действий в пределах, устанавливаемых международным правом. При этом сделана ссылка на меры, "принятые в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций". Кроме того, термин "законной" подразумевает, что такие действия должны соответствовать обязательствам полной сдержанности, применимым даже в случае международного вооруженного конфликта, а также требованиям соразмерности и необходимости, подразумеваемым понятием самообороны. Статья 21 лишь отражает основополагающий принцип целей Главы V, оставляя для применимых первичных норм вопросы объема и применения мер самообороны.

---

³¹ См., например, Многостороннюю конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, 10 декабря 1976 года, *U.N.T.S.*, vol. 1108, p. 151.

³² *I.C.J. Reports 1996*, p. 226, at p. 261, para. 89.

Статья 22

Контрмеры в связи с международно-противоправным деянием

Противоправность деяния государства, не соответствующего международно-правовому обязательству этого государства в отношении другого государства, исключается, если и в той мере, в какой это деяние является контрмерой, принятой после последнего государства в соответствии с Главой II Части третьей.

Комментарий

- 1) В некоторых обстоятельствах совершение одним государством международно-противоправного деяния может оправдывать принятие другим государством, потерпевшим от этого деяния, ненасильственных контрмер, для того чтобы обеспечить прекращение деяния и добиться возмещения ущерба. В статье 22 эта ситуация рассматривается с точки зрения обстоятельств, исключающих противоправность.
- 2) Судебные решения, практика государств и доктрина подтверждают тезис о том, что контрмеры, отвечающие определенным существенным и процессуальным условиям, могут быть правомерными. В деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*" Международный Суд ясно признал, что контрмеры могут оправдывать в противном случае противоправные действия, "принятые в ответ на предшествующее международно-противоправное деяние другого государства и... направленные против такого государства"³³, если при этом соблюдены некоторые условия. Аналогичное признание законности контрмер в некоторых случаях содержится в арбитражных решениях, особенно по делам *Naulilaa*³⁴, *Cysne*³⁵ и *Air Services*³⁶.

---

³³ "*О проекте Габчиково-Надьмарош (Венгрия/Словакия)*", *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 55, para. 83.

³⁴ "*Naulilaa*" (*Responsibility of Germany for damage caused in the Portuguese colonies in the South of Africa*), *R.I.A.A.*, vol. II, p. 1011 (1928), at pp. 1025-1026.

³⁵ "*Cysne*" (*Responsibility of Germany for acts committed subsequent to 31 July 1914 and before Portugal entered into the war*), *R.I.A.A.*, vol. II, p. 1035 (1930), at p. 1052.

³⁶ *Air Services Agreement of 27 March 1946 (United States v. France)*, *R.I.A.A.*, vol. XVIII, p. 416 (1979).

3) В литературе о контрмерах порой делаются ссылки на применение "санкций" или на "ответную реакцию" на предыдущее международно-противоправное деяние; исторически более обычными терминами в таких случаях были "законные репрессалии" или, говоря в более общем плане, меры "самообороны" или "самопомощи". Термин "санкции" использовался для мер, принятых в соответствии с учредительным документом какой-либо международной организации, особенно на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, несмотря на то, что в самом Уставе используется слово "меры", а не "санкции". Термин "репрессалии" перестал широко использоваться в данном контексте из-за ассоциаций с правом военных репрессалий, связанных с применением силы. По крайней мере, со времени арбитражного решения по делу *Air Services*³⁷, предпочтение отдавалось термину "контрмеры". Именно он был выбран для настоящих статей.

4) Когда контрмеры принимаются в соответствии со статьей 22, основополагающее обязательство не останавливается и тем более не прекращается; противоправность соответствующих действий исключается на какое-то время в силу их характера как контрмер, однако только в том случае, если - и до тех пор, пока - выполнены необходимые условия для принятия контрмер. Эти условия излагаются в Главе II Части третьей, на которую сделана ссылка в статье 22. Будучи ответом на международно-противоправное поведение другого государства, контрмеры могут оправдываться только по отношению к этому государству. Это подчеркивается словами "если и в той мере, в какой" и "контрмеры, принятые против" ответственного государства. Какое-либо действие, направленное против третьего государства, не подпадало бы под это определение и не могло бы быть обосновано в качестве контрмеры. С другой стороны, косвенные или побочные следствия контрмер для третьих сторон, которые не сопряжены с самостоятельным нарушением обязательства перед такими третьими сторонами, не выведут контрмеру за рамки сферы охвата статьи 22.

5) Контрмеры могут исключать противоправность только в отношениях между потерпевшим государством и государством, которое совершило международно-противоправное деяние. Этот принцип четко сформулирован в деле "*Cysne*", по которому трибунал заявил, что...

"репрессалии, которые представляют собой акт, в принципе противоречащий праву наций, могут быть оправданы лишь постольку, поскольку они *спровоцированы* неким другим актом, также противоречащим этому праву. *Допустимы только репрессалии, принимаемые против провоцирующего государства.* Безусловно, может стать, что законные репрессалии, принятые против государства-

---

³⁷ *R.I.A.A.*, vol. XVIII, p. 416 (1979), especially at pp. 443-446, paras. 80-98.

нарушителя, затронут граждан невинного государства. Однако это было бы косвенным и неумышленным следствием, которого на практике потерпевшее государство всегда будет пытаться избежать или по возможности ограничить"³⁸.

Таким образом, противоправность поведения Германии в отношении Португалии не была исключена. Поскольку оно было сопряжено с применением вооруженной силы, данное решение касалось военных репрессалий, а не контрмер по смыслу статьи 22. Однако тот же принцип применяется и к контрмерам, как Суд подтвердил в деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*", когда он подчеркнул, что соответствующая мера должна быть "направлена против" ответственного государства³⁹.

б) Если бы статья 22 существовала сама по себе, было бы необходимо оговорить другие условия законности контрмер, включая, в частности, условия соразмерности, временного или обратимого характера контрмер и статуса некоторых основополагающих обязательств, которые не могут быть объектом контрмер. Поскольку эти условия рассматриваются в Главе II Части третьей, здесь можно ограничиться перекрестными ссылками. Статья 22 охватывает любые меры, которые подпадают под определение контрмеры в соответствии с этими условиями. Существует вопрос о том, могут ли применяться контрмеры третьими государствами, которые сами по себе по отдельности не пострадали от данного международно-противоправного деяния, хотя и не являются сторонами того обязательства, которое было нарушено⁴⁰. К примеру, в случае обязательства перед всем международным сообществом в целом Международный Суд подтвердил, что все государства имеют правовой интерес в соблюдении⁴¹. Статья 54 оставляет открытым вопрос о том, может ли любое государство принимать меры для обеспечения соблюдения некоторых международных обязательств в общих интересах в отличие от своего индивидуального интереса как потерпевшего государства. Хотя статья 22 не охватывает меры, которые принимаются в подобного рода случаях, если они не подпадают под определение контрмер, она также не исключает такую возможность.

---

³⁸ *R.I.A.A.*, vol. II, p. 1052 (1930), at pp. 1056-1057 (курсив в оригинале).

³⁹ *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 55, para. 83.

⁴⁰ О различии между потерпевшими государствами и другими государствами, имеющими право ссылаться на ответственность государств, см. статьи 42 и 48 и комментарии к ним.

⁴¹ Дело "*Барселона трэкин лайт энд пауэр компани лимитед, второй этап*", *I.C.J. Reports 1970*, p. 3, at p. 32, para. 33.

Статья 23

Форс-мажор

1. Противоправность деяния государства, не соответствующего международно-правовому обязательству этого государства, исключается, если это деяние обусловлено форс-мажором, т.е. появлением непреодолимой силы или непредвиденного события, не поддающихся контролю государства, которые сделали в данных обстоятельствах выполнение обязательства материально невозможным.

2. Пункт 1 не применяется, если:

a) если форс-мажорная ситуация обусловлена - либо целиком, либо в сочетании с другими факторами, - поведением ссылающегося на нее государства; или

b) если государство приняло на себя риск возникновения такой ситуации.

Комментарий

1) На форс-мажор довольно часто ссылаются в качестве основания для исключения противоправности деяния государства⁴². Речь идет о ситуации, при которой государство по существу вынуждено действовать не так, как это требует от него какое-либо международное обязательство. Форс-мажор отличается от ситуации бедствия (статья 24) или состояния необходимости (статья 25), поскольку поведение государства, которое в противном случае было бы международно-противоправным, является недобровольным или по меньшей мере не содержит в себе элемента свободного выбора.

2) Исключающая противоправность форс-мажорная ситуация возникает только при выполнении трех условий: a) соответствующее деяние должно быть вызвано непреодолимой силой или непредвиденным событием, b) которое не поддается контролю соответствующего государства и c) которое делает материально невозможным выполнение обязательств. Прилагательное "непреодолимый", определяющее слово "сила" подчеркивает, что здесь должно существовать препятствие, которое государство не было в состоянии избежать или которому оно не могло противодействовать своими собственными средствами. Для того чтобы быть "непредвиденным", данное событие должно быть такого рода, что его нельзя было или не просто было предвидеть. Кроме того, "непреодолимая сила" или "непредвиденное событие" должны быть причинно связаны с ситуацией материальной невозможности, как на то указывают слова "вызвано

---

⁴² См. подготовленное секретариатом исследование «"Непреодолимая сила" и "случай как обстоятельство", исключаящее противоправность: обзор практики государств, международных судебных решений и теоретических концепций», *Ежегодник... 1978*, том II, часть первая, стр. 71.

форс-мажором... которое сделало материально невозможным". С учетом пункта 2 при выполнении этих условий противоправность поведения государства исключается до тех пор, пока существуют форс-мажорные обстоятельства.

3) Материальная невозможность исполнения в результате наступления форс-мажорных обстоятельств может быть обусловлена естественным или физическим событием (например, погодными условиями, под воздействием которых воздушное судно государства было вынуждено отклониться на территорию другого государства, землетрясением, наводнением или засухой) либо действиями людей (например, потеря контроля за частью государственной территории в результате восстания или разрушений, вызванных военными операциями, проводимыми третьим государством), или любым сочетанием этих двух факторов. Некоторые ситуации давления или принуждения, связанного с применением силы против государства, также могут быть равнозначны форс-мажору, если они удовлетворяют различным требованиям статьи 23. В частности, ситуация должна быть непреодолимой, и у соответствующего государства не должно быть реальной возможности избежать ее последствий. Форс-мажор не охватывает ситуации, при которых выполнить обязательства стало труднее, например из-за политического или экономического кризиса. Не охватывает он также ситуации, вызванные небрежностью или бездействием со стороны соответствующего государства⁴³. Даже если причиненный в результате этого ущерб сам по себе был случайным и непредумышленным⁴⁴.

---

⁴³ Например, в связи с такими случаями, как бомбардировки Ла-Шо-де-Фон немецкими летчиками 17 октября 1915 года и Поррантрюи французскими летчиками 26 апреля 1917 года, вызванными ошибкой летчиков, воюющие стороны взяли на себя обязательство наказать нарушителей и возместить причиненный ущерб: *Исследование секретариата*, пункты 255-256.

⁴⁴ Например, в 1906 году американский офицер на борту судна "Чаттануга" был смертельно ранен при входе этого судна в гавань китайского город Чефу пулей с французского военного корабля. Правительство Соединенных Штатов Америки получило возмещение, после того как оно заявило:

*"Хотя убийство лейтенанта Инглэнда может рассматривать лишь как несчастный случай, его нельзя отнести к разряду неизбежных случаев, которые не влекут за собой ответственности. Действительно, невозможно себе представить, как это могло произойти без такого сопутствующего элемента, как непринятие должных мер предосторожности со стороны тех офицеров "Дюпти Туар", которым было поручено руководить учебными стрельбами и которые не прекратили огня, когда Чаттануга совершал свой обычный проход по общему фарватеру и оказался на линии огня". Whiteman, *Damages*, vol. I, p. 221 (курсив в оригинале). См. также *Исследование секретариата*, пункт 130.*

4) При разработке текста, который впоследствии стал статьей 61 Венской конвенции о праве международных договоров, Комиссия международного права выразила мнение, что форс-мажор является обстоятельством, исключающим противоправность в отношении исполнения договоров, наравне с последующей невозможностью исполнения как основанием для прекращения договора⁴⁵. Такая же позиция была занята на Венской конференции⁴⁶. Однако в интересах стабильности договоров Конференция настояла на более узкой формулировке статьи 61, касавшейся прекращения договора. Степень трудности, связанной с форс-мажором как обстоятельством, исключающим противоправность, хотя и является значительной, тем не менее меньше той, которая требуется статьей 61 для прекращения договора на основании последующей невозможности, как это отметил Международный Суд в деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*":

"Для прекращения договора на основании невозможности исполнения пункт 1 статьи 61 требует "безвозвратного исчезновения или уничтожения объекта, необходимого для выполнения" договора. На конференции было внесено предложение расширить охват этой статьи, включив в нее такие случаи, как невозможность произвести определенные платежи ввиду серьезных финансовых трудностей... Хотя было признано, что такие ситуации могут привести к исключению противоправности неисполнения Стороной своих договорных обязательств, государства-участники не были готовы рассматривать такие ситуации как основание для прекращения или приостановления действия договора и предпочли ограничиться более узкой концепцией"⁴⁷.

5) На практике многие из случаев "невозможности" не касались фактической невозможности в отличие от возросшей трудности исполнения, и поэтому ссылка на форс-мажор оказывалась необоснованной. Но случаи физической невозможности имели место, например когда воздушное судно государства из-за повреждений или потери контроля над ним из-за погодных условий вторгалось в воздушное пространство другого государства

---

⁴⁵ *Yearbook... 1966*, vol. II, p. 255.

⁴⁶ См., например, предложение мексиканского представителя, официальный отчет Конференции Организации Объединенных Наций по праву международных договоров, документы Конференции, стр. 182-189, A/CONF.39/4, пункт 531 а).

⁴⁷ "*О проекте Габчиково-Надьмарош (Венгрия/Словакия)*" *I.C.J. Reports*, p. 7, at p. 63, para. 102.

без разрешения последнего. В подобных случаях принцип исключения противоправности пользуется признанием⁴⁸.

6) Помимо воздушных инцидентов, принцип в статье 23 также признается в отношении мирного прохода судов в соответствии со статьей 14 (3) Конвенции 1958 года о территориальном море и прилегающей зоне⁴⁹ (статья 18 (2) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года⁵⁰), а также статей 7 (1) Конвенции о транзитной торговле внутриконтинентальных государств от 8 июля 1965 года⁵¹. Положения этих документов включают форс-мажор в число элементов, составляющих соответствующую первичную норму; тем не менее его признание в этих случаях помогает подтвердить существование общего принципа международного права с аналогичным действием.

7) Этот принцип также признавался международными трибуналами. Комиссии по рассмотрению взаимных претензий неоднократно подчеркивали непредсказуемость нападений повстанцев, слагая ответственность с территориального государства за ущерб, причиненный в результате этого иностранца⁵². В деле "О маяках" маяк, принадлежавший

---

⁴⁸ См., например, дела о случайном вторжении в воздушное пространство из-за погодных условий и дела о бомбардировке нейтральной территории из-за навигационных ошибок в течение первой мировой войны, которые обсуждаются в *Исследовании секретариата*, пункты 250-256. См. также обмены корреспонденцией между соответствующими государствами в связи с инцидентами "вторжения американских военных самолетов в воздушное пространство Югославии в 1946 году: United States of America, *Department of State Bulletin*, vol. XV, No. 376 (15 September 1946), p. 502, воспроизводится в *Исследовании секретариата*, пункт 144, и инцидент, приведший к обращению в Международный Суд в 1954 году: *I.C.J. Pleadings, Treatment in Hungary of Aircraft and Crew of the United States of America*, p. 14 (note to the Hungarian Government of 17 March 1953).

⁴⁹ *U.N.T.S.*, vol. 516, p. 205.

⁵⁰ *U.N.T.S.*, vol. 1833, p. 396.

⁵¹ *U.N.T.S.*, vol. 597, p. 42.

⁵² См., например, решения Американо-британской комиссии по претензиям по делу "О нападении на Сент-Олбанс" (1973 год), Moore, *International Arbitrations*, vol. IV, p. 4042; *Исследование секретариата*, пункт 339; решения Комиссии по рассмотрению претензий Соединенных Штатов и Венесуэлы по делу "Уиппермана", Moore, *International Arbitrations*, vol. III, p. 3039, *Исследование секретариата*, пункты 349-350; дела "Де Бриссо и другие", Moore, *International Arbitrations*, vol. III, p. 2967; *Исследование секретариата*, пункт 352; и решение Комиссии по рассмотрению претензий Великобритании и Мексики по делу "Джилла": *R.I.A.A.*, vol. V (1931), p. 157; *Исследование секретариата*, пункт 463.

французской компании, был реквизирован правительством Греции в 1915 году и впоследствии разрушен в результате вражеских действий. Арбитражный суд отклонил требования Франции о восстановлении маяка на основании форс-мажорных обстоятельств⁵³. В деле "*О компенсации России*" этот принцип был признан, но ссылка на форс-мажор была отклонена, поскольку возвращение долга не было материально невозможным⁵⁴. Форс-мажор был признан в качестве общего принципа права (несмотря на то, что данная ссылка была отклонена с учетом обстоятельств дела) Постоянной палатой международного правосудия в делах "*О сербских займах*" и "*О бразильских займах*"⁵⁵. Сравнительно недавно при рассмотрении дела "*Рейнбоу Уорриор*" Франция сослалась на форс-мажор как на обстоятельство, исключавшее противоправность ее действий по откомандированию офицеров с острова Хао и отказ вернуть их после лечения. Трибунал коснулся этого вопроса:

"Новая Зеландия права, утверждая, что ссылка на форс-мажор не относима к данному делу, ибо критериями его применимости является абсолютная и материальная невозможность, а обстоятельство, которое делает исполнение более затруднительным или обременительным, не относится к числу форс-мажорных обстоятельств"⁵⁶.

8) Помимо своей применимости к межгосударственным делам как вопрос публичного международного права форс-мажор широко используется в сфере международного торгового арбитража и может быть назван общим принципом права⁵⁷. Он включен в

---

⁵³ *Ottoman Empire Lighthouses Concession, R.I.A.A.*, vol. XII, p. 155 (1956), at pp. 219-220.

⁵⁴ *R.I.A.A.*, vol. XI, p. 421 (1912), at p. 443.

⁵⁵ *Serbian Loans, 1929, P.C.I.J., Series A, No. 20*, at pp. 33-40; *Brazilian Loans, P.C.I.J., Series A., No. 21*, at p. 120.

⁵⁶ "*Рейнбоу Уорриор*" (*Новая Зеландия/Франция*), *R.I.A.A.*, vol. XX, p. 217 (1990), at p. 253.

⁵⁷ Относительно форс-мажора в прецедентном праве Трибунала по рассмотрению взаимных претензий между Ираном и Соединенными Штатами см. G.H. Aldrich, *The Jurisprudence of the Iran-United States Claims Tribunal* (Oxford, Clarendon Press, 1996), pp. 306-320. Форс-мажор был также признан общим принципом права Европейским судом: см., например, Case 145/85, *Denkavit Belgie NV v Belgium*, [1987] E.C.R. 565; Case 101/84, *Commission v. Italy*, [1985] E.C.R. 2629.

главу V Конвенции ЮНСИТРАЛ о международной купле-продаже товаров (Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года)⁵⁸, в которой говорится об "Общих положениях для обязательств продавца и покупателя". Статья 79 касается неминуемых препятствий и охватывает ту же самую область, хотя и без использования термина "форс-мажор". Сторона не несет ответственности за неисполнение обязательства, если доказано, что такое неисполнение было вызвано ...

"обстоятельством вне ее контроля, которое нельзя было разумно учесть в момент заключения договора, либо нельзя было избежать или преодолеть само это обстоятельство или его последствия"⁵⁹.

Форс-мажору посвящена статья 7.1.7 Принципов международных коммерческих контрактов ЮНИДРУА, где он определяется практически так же, как и в Конвенции 1980 года⁶⁰.

9) По определению, ситуация, которая была вызвана или спровоцирована ссылающимся на нее государством, не является форс-мажорной. В деле "*Libyan Arab Foreign Investment Company v. Republic of Burundi*"⁶¹ Арбитражный суд отклонил ссылку на форс-мажор, поскольку "предполагаемая невозможность не была результатом непреодолимой силы или непредвиденного внешнего события вне контроля Бурунди. На самом деле невозможность является результатом одностороннего решения этого государства"⁶². Согласно эквивалентному основанию прекращения договора в статье 61 Венской конвенции о праве международных договоров на материальную невозможность нельзя ссылаться "если эта невозможность является результатом нарушения этим участником либо обязательства по договору, либо иного международного обязательства,

---

⁵⁸ 11 апреля 1980 года, *U.N.T.S.*, vol. 1489, p. 58.

⁵⁹ См. P. Schlechtriem & G. Thomas, *Commentary on the United Nations Convention on the International Sale of Goods* (2nd edn., Oxford, Clarendon Press, 1988), p. 600-626.

⁶⁰ См. INIDROIT, *Principles of International Commercial Contracts* (Rome, 1994), pp. 169-171.

⁶¹ *I.L.R.*, vol. 96 (1994), p. 279.

⁶² *I.L.R.*, vol. 96 (1994), p. 279, at pp. 317-318.

взятого им на себя по отношению к любому другому участнику договора". По аналогии с этим положением в пункте 2 а) исключается возможность ссылки на обстоятельства, при которых форс-мажор является результатом - либо самостоятельно, либо в сочетании с другими факторами - поведения государства, которое на него ссылается. Для применения пункта 2 а) недостаточно, чтобы государство, ссылающееся на форс-мажор, способствовало возникновению ситуации материальной невозможности; ситуация форс-мажора должна быть "обусловлена" поведением ссылающегося на нее государства. Это позволяет ссылаться на форс-мажор в ситуациях, при которых государство могло, не желая того, способствовать возникновению материальной невозможности, предприняв что-то такое, что, если судить об этом задним числом, можно было бы сделать иначе, но что было сделано добросовестно и само по себе не превратило данное событие в менее непредсказуемое. Пункт 2 а) требует того, чтобы роль государства при возникновении форс-мажора была значительной.

10) Пункт 2 б) относится к ситуациям, в которых государство уже приняло риск возникновения форс-мажора, будь то в силу самого обязательства, в силу своего поведения или какого-либо одностороннего акта. В этом отражен тот принцип, что форс-мажор не является основанием для неисполнения обязательства, если государство обязалось предотвратить возникновение конкретной ситуации, или же иным образом приняло на себя риск ее возникновения⁶³. После того как государство взяло на себя ответственность за определенный риск, оно не может ссылаться на форс-мажор, для того чтобы избежать ответственности. Однако принятие риска должно быть совершенно недвусмысленным и относиться к тем сторонам, перед которыми оно несет обязательство.

---

⁶³ Как отмечено в пункте 31 *Обзора секретариата*, государства могут отказаться от права ссылки на форс-мажор по договоренности. Наиболее распространенным способом этого является соответствующее соглашение или обязательство о заблаговременном принятии на себя риска возникновения данного форс-мажорного обстоятельства.

Статья 24

Бедствие

1. Противоправность деяния государства, не соответствующего международно-правовому обязательству этого государства, исключается, если у исполнителя данного деяния не было в ситуации бедствия иного разумного способа спасти свою жизнь или жизнь вверенных ему других лиц.
2. Пункт 1 не применяется, если:
  - а) ситуация бедствия обусловлена - либо целиком, либо в сочетании с другими факторами - поведением ссылающегося на него государства; или
  - б) данное деяние с вероятностью создаст сравнимую или бóльшую опасность.

Комментарий

- 1) Статья 24 относится к конкретному случаю, когда лицо, поведение которого присваивается государству, находится в ситуации крайней опасности как непосредственно для него, так и для вверенных ему других лиц. Эта статья исключает противоправность поведения агента в обстоятельствах, когда у него не имелось иного разумного способа спасения жизни. В отличие от ситуаций форс-мажора, которые рассмотрены в статье 23, лицо, действующее в ситуации бедствия, не действует невольно, даже если возможность выбора фактически отсутствует в результате сложившейся опасной ситуации⁶⁴. Равным образом, речь здесь идет не о выборе между соблюдением норм международного права и учетом других законных интересов государства, что характерно для состояния необходимости, рассматриваемого в статье 25. Интерес здесь заключается непосредственно в спасении жизни людей, независимо от их гражданской принадлежности.
- 2) На практике случаи бедствия были в основном связаны с воздушными или морскими судами, которые оказывались на территории государства из-за плохих погодных условий, технической неисправности или выхода из строя навигационного оборудования⁶⁵.

---

⁶⁴ По этой причине те авторы, которые рассматривали данную ситуацию, часто определяли ее как ситуацию "относительной невозможности" исполнения международного обязательства. См., например, O.J. Lissitzyn, "The Treatment of Aerial Intruders in Recent Practice and International Law", *A.J.I.L.*, vol. 47 (1953), p. 588.

⁶⁵ См. *Обзор секретариата*, «"Форс мажор" и "непредвиденные события" как обстоятельства, исключаящие противоправность: обзор государственной практики международных судебных решений и доктрин», *Ежегодник... 1978*, vol. II, Part One, p. 61, paras. 141-142, 252.

Соответствующим примером является вхождение военных самолетов Соединенных Штатов в воздушное пространство Югославии в 1946 году. Военные самолеты Соединенных Штатов дважды входили в воздушное пространство Югославии без разрешения и были атакованы силами противовоздушной обороны Югославии. Правительство Соединенных Штатов выразило протест против действий Югославии на том основании, что самолеты вошли в воздушное пространство Югославии исключительно для того, чтобы избежать крайней опасности. Правительство Югославии выдвинуло в ответ обвинение в систематическом нарушении его воздушного пространства, которое ввиду его неоднократности не могло не быть намеренным. Вслед за тем поверенный в делах Югославии информировал государственный департамент США о том, что маршал Тито запретил подвергать обстрелу самолеты, которые могут пролетать над территорией Югославии без разрешения, исходя из предположения о том, что со своей стороны правительство Соединенных Штатов "предпримет шаги, необходимые для недопущения подобных полетов, за исключением случаев чрезвычайных обстоятельств или неблагоприятных погодных условий, в отношении которых может быть достигнута соответствующая договоренность путем соглашения между властями Соединенных Штатов и Югославии"⁶⁶. В ответе исполняющего обязанности государственного секретаря вновь утверждалось, что ни один американский самолет не пролетал над Югославией преднамеренно без предварительного разрешения властей Югославии "за исключением тех случаев, когда их вынудили поступить таким образом чрезвычайные обстоятельства". Однако исполняющий обязанности государственного секретаря добавил:

"Я полагаю, что правительство Югославии признает, что в том случае, когда самолет и лица, находящиеся на его борту, подвергаются опасности, самолет может изменить свой курс в интересах безопасности, даже если подобные действия могут привести к полету над территорией Югославии без предварительного разрешения"⁶⁷.

3) Ссылки на бедствие делались также и в случаях нарушения морских границ. Так, например, в декабре 1975 года, после того, как британские морские суда вошли в исландские территориальные воды, правительство Соединенного Королевства утверждало, что эти суда "укрывались от неблагоприятной погоды, что они имеют право

---

⁶⁶ United States, *Department of State Bulletin*, vol. XV (15 September 1946), p. 502, воспроизведено в Обзоре секретариата, пункт 144.

⁶⁷ Обзор секретариата, пункт 145. Тот же аргумент можно найти в памятной записке от 2 декабря 1958 года, направленной правительством Соединенных Штатов в Международный Суд в связи с другим воздушным инцидентом: см. *I.C.J. Pleading, Aerial Incident of 27 July 1955*, pp. 358-359.

делать по обычному международному праву"⁶⁸. Исландия настаивала на том, что британские суда оказались в ее водах исключительно с целью спровоцировать инцидент, однако не оспаривала то, что, если бы британские суда оказались в ситуации бедствия, они могли бы войти в исландские территориальные воды.

4) Хотя исторически сложилось так, что существующая практика относится в основном к инцидентам с участием морских и воздушных судов статья 24 подобными случаями не ограничивается⁶⁹. В арбитражном разбирательстве по делу судна "*Рейнбоу Ворриор*" была сделана ссылка на ситуации бедствия в качестве обстоятельства, исключающего противоправность в иных, чем морские или воздушные инциденты, случаях. Франция обосновывала свои действия по репатриации двух офицеров с острова Хао "состоянием бедствия в чрезвычайных обстоятельствах, связанных с элементарными соображениями гуманности, воздействующими на действующие органы государства"⁷⁰. Трибунал пришел к единодушному выводу о принципиальной допустимости такой ссылки и большинством голосов счел, что она применима к фактической стороне одного из двух случаев. Что касается принципа, Трибунал предложил Франции доказать наличие следующих трех фактических обстоятельств:

"1) наличие совершенно исключительных обстоятельств чрезвычайной срочности, связанных с медицинскими или иными соображениями элементарного порядка, при обязательном условии, что скорейшее признание существования этих исключительных обстоятельств впоследствии получено от другой заинтересованной стороны или явно продемонстрировано;

2) восстановление первоначальной ситуации, в которой соблюдаются условия назначения на Хао, сразу после того, как исчезли причины чрезвычайной ситуации, на которую была сделана ссылка в обоснование репатриации;

---

⁶⁸ *S.C.O.R., Thirtieth Year, 1866th mtg.*, 16 December 1975; Обзор секретариата, стр. 136.

⁶⁹ Имелись также случаи нарушения сухопутной границы с целью спасения жизни находящихся в опасности лиц. См., например, случай нарушения австрийской границы итальянскими солдатами в 1862 году: *Обзор секретариата*, пункт 121.

⁷⁰ *Rainbow Warrior (New Zealand/France), R.I.A.A.*, vol. XX, p. 217 (1990), at pp. 254-255, para. 78.

- 3) наличие добросовестных усилий, направленных на получение согласия Новой Зеландии в соответствии с Соглашением 1986 года"⁷¹.

Фактически опасность для одного из офицеров, хотя, видимо, не угрожавшая жизни, была реальной и могла быть неминуемой, и впоследствии освидетельствовавший его новозеландский врач ее не отрицал. В отличие от этого, в случае второго офицера приведенные обоснования (необходимость медицинского осмотра по причине беременности и желания повидаться с умирающим отцом) не оправдывали чрезвычайных мер. Угроза для жизни сотрудника и ребенка на каком-либо этапе отсутствовала, и поблизости имелись первоклассные медицинские учреждения. Трибунал постановил, что:

"Ясно, что эти обстоятельства ни в коей мере не снимают с Франции ответственность за репатриацию капитана Приёр и за нарушение ею обязательств в результате невозвращения двух офицеров на Хао (в случае майора Мафара - после того, как причины для их репатриации перестали существовать). Налицо явное нарушение ее обязательств..."⁷².

- 5) Ссылка на состояние бедствия также признана во многих договорах в качестве обстоятельства, оправдывающего поведение, которое в ином случае было бы противоправным. Статья 14 (3) Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 года разрешает остановку и стоянку судов на якорю при переходе через территориальное море иностранного государства, только поскольку они необходимы вследствие бедствия. Это положение воспроизводится практически дословно в статье 18 (2) Конвенции о морском праве 1982 года⁷³. Сходные положения содержатся в

---

⁷¹ Там же, стр. 255, пункт 79.

⁷² Там же, стр. 263, пункт 99.

⁷³ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, Монтего Бей, 10 декабря 1982 года, *U.N.T.S.*, vol. 1833, p. 396, arts. 39 (1) c), 98 and 109.

международных конвенциях по предотвращению загрязнения моря⁷⁴.

6) Статья 24 ограничивается случаями, в которых жизни людей грозит опасность. В арбитраже по делу "*Рейнбоу Уорриор*" трибунал, как представляется, принял более широкую точку зрения на обстоятельства, оправдывающие ссылку на бедствие, видимо, исходя из того, что достаточно серьезной опасности для здоровья. Проблема с распространением статьи 24 на ситуации менее серьезные, чем те, где имеется опасность для жизни, заключается в том, где должен проходить нижний предел. В случаях терпящего бедствие самолета, как правило, будет нетрудно установить наличие угрозы жизни, однако в других случаях диапазон возможностей весьма широк. С учетом контекста главы V и вероятности того, что будут иметься другие решения применительно к ситуациям, не сопряженным с явной опасностью для жизни, представляется нецелесообразным расширять сферу охвата положения о бедствии за пределы прямой угрозы жизни. В ситуациях, когда агент государства действует в условиях бедствия и должен спасти жизнь людей, необходима определенная гибкость в оценке обстоятельств бедствия. Содержащийся в статье 24 критерий отсутствия "иного разумного способа" направлен на установление баланса между желанием обеспечить определенную гибкость при принятии агентом тех или иных мер по спасению жизни и необходимостью ограничить охват ссылок на исключительный характер обстоятельств.

7) На бедствие как на исключаяющее противоправность обстоятельство можно ссылаться только в тех случаях, когда государственный агент спасал собственную жизнь или когда между государственным органом или агентом и лицами в опасности наличествует особая связь. Состояние бедствия включает в себя более общие случаи

---

⁷⁴ См., например, Международную конвенцию по предотвращению загрязнения моря нефтью, 12 мая 1954 года, *U.N.T.S.*, vol. 327, p. 3, art. IV (1) а), где предусмотрено, что запрет на слив нефти в море не применим, если слив нефти происходит "для обеспечения безопасности судов, предотвращения порчи судов или грузов, или для спасения человеческой жизни на море". См. также Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, 29 декабря 1972 года, *U.N.T.S.*, vol. 1046, p. 37, art. V (1), где предусмотрено, что запрет на сброс отходов не применим в тех случаях, когда это "необходимо для обеспечения безопасности человеческой жизни или судов, самолетов, платформ или других искусственно сооруженных в море конструкций... в любом случае, когда создается опасность для человеческой жизни или реальная угроза судам, самолетам, платформам или другим искусственно сооруженным в море конструкциям, если сброс представляется единственным способом предотвращения угрозы...". См. также Конвенцию о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов морских и воздушных судов, Осло, 15 февраля 1975 года, *U.N.T.S.*, vol. 932, p. 4, art. 8 (1), Международную конвенцию по предотвращению загрязнения с судов "Морпол", 2 ноября 1973 года, *U.N.T.S.*, vol. 1340, p. 184, приложение 1, правило 11а).

чрезвычайных обстоятельств, которые носят скорее характер необходимости, чем бедствия.

8) Статья 24 исключает противоправность поведения, поскольку оно необходимо для того, чтобы устранить опасность для жизни. Таким образом, она не освобождает государство или его агентов от обязанности выполнения других (национальных или международных) требований, например требования об уведомлении соответствующих властей о прибытии или о предоставлении соответствующей информации о маршруте, пассажирах или грузе⁷⁵.

9) Как и в случае форс-мажора, ситуация, которая была вызвана или обусловлена поведением ссылающегося на нее государства, не является состоянием бедствия. Во многих случаях ссылающееся на бедствие государство могло само способствовать, пусть и косвенным образом, возникновению данной ситуации. Однако приоритет должен быть отдан необходимым мерам по спасению жизни, и поэтому в соответствии с пунктом 2 а) ссылка на бедствие исключается лишь тогда, когда ситуация бедствия либо целиком, либо в сочетании с другими факторами обусловлена поведением ссылающегося на него государства. Та же самая формулировка принята в статье 23 (2) а)⁷⁶.

10) Бедствие исключает противоправность лишь тогда, когда защищаемые интересы (например, жизнь пассажиров или экипажа) определенно перевешивают иные присутствующие в данных обстоятельствах интересы. Если поведение, исключение противоправности которого пытаются обосновать, создает опасность для большего числа жизней, чем оно может спасти или же иным образом создает бóльшую опасность, ссылка на состояние бедствия на такое поведение не распространяется. Например, военный самолет, на борту которого находятся взрывчатые вещества, может при экстренной посадке вызвать катастрофу, атомная подводная лодка, на которой произошла серьезная авария, может вызвать радиоактивное заражение в порту, в котором она ищет убежища. Пункт 2 б) предусматривает, что ссылка на бедствия не применима к деянию, которое с

---

⁷⁵ См. *Cushin and Lewis v. R*, [1935] Ex.C.R. 103 (даже если судно входит в порт по причине бедствия, оно не освобождается от требования сообщить о пути следования). См. также *The "Rebecca"* (United States of America-Mexico General Claims Commission) *A.J.I.L.*, vol. 23 (1929), 860 (судно вошло в порт по причине бедствия; груз арестован из-за нарушения таможенных правил: факт захода в порт признан в данных обстоятельствах разумной необходимостью, а не вопросом удобства; конфискация, таким образом, признана незаконной); *"The May" v. R* [1931] S.C.R. 374; *The Ship "Queen City" v. R* [1931] S.C.R. 387; *R v. Flahaut* [1935] 2 D.L.R. 685 (применен проверочный критерий "реального и непреодолимого бедствия").

⁷⁶ См. комментарий к статье 23, пункт 9.

вероятностью создаст сравнимую или большую опасность. Это соответствует пункту 1, который для определения того, был ли у исполнителя деяния "иной разумный способ" спасти жизнь, устанавливает объективный критерий. Слова "сравнимая или большая опасность" должны толковаться в контексте основной цели спасения жизни.

Статья 25

Состояние необходимости

1. Государство не может ссылаться на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности деяния, не соответствующего международно-правовому обязательству этого государства, за исключением тех случаев, когда это деяние:

а) является единственным для государства путем защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности; и

б) не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства или государств, в отношении которых существует данное обязательство, или международного сообщества в целом.

2. В любом случае государство не может ссылаться на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности, если:

а) данное международно-правовое обязательство исключает возможность ссылки на состояние необходимости; или

б) это государство способствовало возникновению состояния необходимости.

Комментарий

1) Термин состояние "необходимости" ("état de nécessité") используется для обозначения таких исключительных случаев, когда государство может защитить существенный интерес, которому угрожает большая и неминуемая опасность, только путем временного неисполнения какого-либо другого международного обязательства, меньшего веса или срочности. При соблюдении жестко определенных в статье 25 условий ссылка на необходимость признается как обстоятельство, исключаящее противоправность.

2) Ссылка на состояние необходимости носит исключительный характер в целом ряде отношений. В отличие от согласия (статья 20), самообороны (статья 21) или контрмер (статья 22) она не обусловлена предшествующим поведением потерпевшего государства.

В отличие от форс-мажора (статья 23) она не относится к поведению, которое имеет невольный или вынужденный характер. В отличие от бедствия (статья 24) состояние необходимости заключается в опасности не для жизни лиц, вверенных агенту государства, а в большой опасности для существенных интересов самого государства или международного сообщества. Состояние необходимости возникает там, где имеется конфликт, на данное время разрешимый, между существенным интересом, с одной стороны, и обязательством ссылающего на состояние необходимости государства - с другой. Эти особенности означают, что только в очень редких случаях невыполнение обязательства может обосновываться состоянием необходимости и что состояние необходимости является предметом жестких ограничений во избежание возможных злоупотреблений⁷⁷.

3) Имеются весомые и авторитетные источники, подтверждающие обоснованность ссылки на состояние необходимости как на обстоятельство, исключаящее противоправность. Ссылки на состояние необходимости неоднократно делались государствами и рассматривались во многих международных трибуналах. Во всех этих случаях суды соглашались с принципом ссылки на состояние необходимости или, по крайней мере, ее не отвергали.

4) В споре между Англией и Португалией в 1832 году правительство Португалии утверждало, что отчуждение имущества британских подданных, несмотря на договорное положение, оправдано насущной необходимостью снабжения воинских контингентов, участвующих в пресечении внутренних беспорядков. Правительству Великобритании было заявлено, что:

"договоры этой страны с Португалией [не] имеют такой непреложный и строгий характера, чтобы не допускать изменений при каких бы то ни было обстоятельствах или чтобы их положения выполнялись так строго, что правительство Португалии лишено права использовать меры, которые абсолютно и непременно необходимы

---

⁷⁷ Вероятно, классическим случаем такого рода злоупотреблений является оккупация Германией Люксембурга и Бельгии в 1914 году, которую Германия пыталась обосновать ссылкой на состояние необходимости. См., в частности, ноту, которую 2 августа 1914 года немецкий посланник в Брюсселе вручил министру иностранных дел Бельгии в J.B. Scott, ed., *Diplomatic Documents Relating to the Outbreak of the European War* (New York, Oxford University Press, 1916), Part I, pp. 749-750, и речь, произнесенную 4 августа 1914 года в рейхстаге немецким канцлером фон Бетманн-Гольвегом, где содержатся широко известные слова "wir sind jetzt in der Notwehr; und Not kennt kein Gebot!" ("мы находимся в состоянии необходимости, а необходимость не признает законов"). *Jahrbuch des Völkerrechts*, vol. III (1916), p. 728.

для безопасности и самого существования государства. Пределы необходимости, которая оправдывает подобное отчуждение имущества британских подданных, должны зависеть от обстоятельств данного случая, однако такая необходимость должна быть имманентной и срочной"⁷⁸.

5) В инциденте с судном "Кэролайн" в 1837 году, на который часто ссылаются как на пример самозащиты, ссылка на состояние необходимости прозвучала во время, когда нормы, относящиеся к применению силы, имели совершенно иную, чем сейчас, основу. В этом случае британские вооруженные силы вошли на территорию Соединенных Штатов и атаковали и уничтожили принадлежащее американским гражданам судно, которое перевозило новобранцев и военные и другие грузы для канадских инсургентов. В ответ на протесты Соединенных Штатов британский посланник в Вашингтоне Фокс сослался на "необходимость самообороны и самосохранения"; к тому же выводу пришел юридический советник, с которым консультировалось британское правительство и который заявил, что "поведение британских властей" было оправданным, поскольку оно являлось "абсолютно необходимым в качестве меры предосторожности"⁷⁹. Государственный секретарь Уэбстер ответил посланнику Фоксу, что "ничто, менее чем явная и абсолютная необходимость, не может лечь в основу оправдания" совершения "враждебных актов на территории мирной Державы", и отметил, что британское правительство должно доказать, что действия его войск были действительно вызваны "необходимостью самообороны, необходимостью немедленной, преобладающей, не оставляющей ни выбора средств, ни времени для размышления"⁸⁰. В своем послании конгрессу 7 декабря 1841 года президент США Тайлер вновь заявил, что:

"Это Правительство никогда не предоставит какому-либо иностранному правительству права вторгаться на свою территорию, за исключением случая самой срочной и крайней необходимости, чтобы арестовывать или уничтожать

---

⁷⁸ A.D. McNair, ed., *International Law Opinions* (Cambridge, University Press, 1956), vol. II, p. 231.

⁷⁹ См. W.R. Manning (ed.), *Diplomatic Correspondence of the United States: Canadian Relations 1784-1860* (Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 1943), vol. III, p. 422; A.D. McNair, ed., *International Law Opinions* (Cambridge, University Press, 1956), vol. II, p. 22.

⁸⁰ *British and Foreign State Papers*, vol. 29, p. 1129.

собственность тех, кто мог нарушить муниципальные законы этого иностранного правительства..."⁸¹

Инцидент был исчерпан лишь в 1842 году путем обмена письмами, в которых два правительства согласились, что "может возникнуть такая непреодолимая необходимость, когда этот великий принцип может и должен быть приостановлен в своем действии". "Это должно быть", - добавил лорд Ашбэртон, посланник ad hoc британского правительства в Вашингтоне, - "на кратчайший возможный период в течение признанной крайней необходимости и строго ограничено самыми узкими пределами данной необходимости".⁸²

6) В споре по делу о "Российских котиках" в 1893 году, защищаемым от "большой и неминуемой опасности" "существенным интересом была природная среда обитания в районе, не охваченном юрисдикцией какого-либо государства или каким-либо международным режимом. Перед опасностью уничтожения популяции тюленей в результате ничем не ограниченного промысла правительство России приняло указ, запрещающий охоту на котиков в открытом море. В письме британскому послу от 12/24 февраля 1893 года министр иностранных дел России объяснял, что эта мера была принята в силу "абсолютной необходимости в срочных временных мерах" с учетом наступления охотничьего сезона. Он "подчеркнул преимущественно предупредительный характер вышеупомянутых мер, которые были приняты под давлением исключительных обстоятельств"⁸³ и заявил о готовности заключить с британским правительством соглашение в интересах долгосрочного урегулирования вопросов охоты на котиков в этом районе.

7) В деле о "*Российском возмещении*" Оттоманское правительство для оправдания задержки в выплате своего долга российскому правительству использовало среди других аргументов также ссылку на чрезвычайно тяжелую финансовую ситуацию, которую оно охарактеризовало как форс-мажор, хотя речь шла скорее о состоянии необходимости. Арбитражный суд в принципе согласился с этой ссылкой:

"Исключение на основании непреодолимой силы, о котором упоминается в первой строке, может выдвигаться в международном публичном праве, как и в частном

---

⁸¹ *British and Foreign State Papers*, vol. 30, p. 194.

⁸² Там же, стр. 195. См. ответ государственного секретаря Уэбстера: там же, стр. 201.

⁸³ *British and Foreign State Papers*, vol. 86, p. 220. *Обзор секретариата*, пункт 155.

праве: международное право должно приспособливаться к политическим потребностям. Правительство Российской империи ясно допускает... что обязанность государства выполнять договоры может нарушаться, "если самому существованию государства угрожает опасность, если соблюдение международного обязательства является... *самоуничтожением*"⁸⁴.

Вместе с тем он счел, что:

"Было бы, однако, явным преувеличением допустить, что выплата (или заключение займа для выплаты) относительно небольшой суммы порядка 6 млн. франков, необходимой для возмещения ущерба, причиненного России, могла бы подорвать существование Османской империи или же значительно ухудшить ее внутреннее или внешнее положение..."⁸⁵.

По его мнению, исполнение международного обязательства должно иметь характер "самоуничтожения", для того чтобы исключить противоправность поведения, которое нарушает имеющиеся обязательства⁸⁶.

8) В деле "Сосьетэ коммерсьяль де Бельжик"⁸⁷ правительство Греции имело перед бельгийской компанией задолженность по двум арбитражным решениям. Бельгия обратилась в Постоянную палату международного правосудия с просьбой вынести заключение о том, что правительство Греции, отказываясь выплатить возмещение, нарушает свои международные обязательства. Правительство Греции сослалось в ответ на тяжелую бюджетную и валютно-финансовую ситуацию в стране⁸⁸. Суд отметил, что

---

⁸⁴ *R.I.A.A.*, vol. XI, p. 431 (1912) et p. 443; *Обзор секретариата*, пункт 394; английский текст в *A.J.I.L vol. 7 (1913), p. 178 at p. 195* (выделено в оригинале).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Случай, в котором стороны спора согласились, что серьезные финансовые затруднения обосновывают иной способ исполнения обязательств, чем тот, который был первоначально предусмотрен для спора в отношении выполнения арбитражного постановления о присуждении компенсации см. в *Forests of Central Rhodope, R.I.A.A.*, vol. III, p. 1405 (1933): см. Лига Наций, *Official Journal*, 15th year, No. 11 (Part I) (November 1934), p. 1432.

⁸⁷ *Société Commerciale de Belgique, 1939, P.C.I.J., Series A/B, No.78*, p. 160.

⁸⁸ *P.C.I.J. Series C, No. 87*, pp. 141, 190; *Обзор секретариата*, пункт 278. Аргументы Греции в отношении состояния необходимости см. там же, пункты 276-287.

он не правомочен принимать решения о том, имеются ли у правительства Греции основания не выплачивать присужденную арбитражем компенсацию. Однако суд по умолчанию согласился с базовым принципом, в отношении которого между двумя сторонами разногласий не было⁸⁹.

9) В марте 1967 года либерийский нефтеналивной танкер "Торри Каньон" потерпел крушение на подводной каменной гряде поблизости от корнуэльского побережья вне пределов британских территориальных вод. Большое количество вылившейся нефти угрожало загрязнением побережья Англии. После неудачи различных попыток исправить положение британское правительство решило подвергнуть судно бомбардировке, с тем чтобы сжечь оставшуюся нефть. Эта операция была успешно осуществлена. Британское правительство не выдвинуло каких-либо юридических обоснований своего поведения, однако подчеркнуло наличие ситуации крайней опасности и утверждало, что решение о бомбардировке судна было принято после того, как оказались безуспешными все остальные средства⁹⁰. Никаких международных протестов не последовало. Впоследствии была принята конвенция, которая регулирует будущие случаи необходимости вмешательства для того, чтобы избежать крупного загрязнения нефтью⁹¹.

10) В арбитраже по делу "Рейнбоу Уорриер" арбитражный суд выразил сомнение в отношении обоснованности ссылки на состояние необходимости. Он отметил, что проект

---

⁸⁹ *Société Commerciale de Belgique, 1939, P.C.I.J., Series A/B, No.78*, p. 160; *Обзор секретариата*, пункт 288. См. также дело *Serbian Loans*, где позиции сторон и суда по этому вопросу были очень близки: *Serbian Loans, 1929, P.C.I.J., Series A, No. 20; Обзор секретариата*, пункты 263-268; *French Company of Venezuela Railroads, R.I.A.A.*, vol. X, p. 282 (1902), at p. 353; *Обзор секретариата*, пункты 385-386. В своем особом мнении по делу *Oscar Chinn* судья Анзелотти был согласен с принципом, что "необходимость может оправдать неисполнение международных обязательств", но отрицал применимость принципа к фактической стороне дела: *Oscar Chinn, 1934, P.C.I.J., Series A/B, No. 63*, p. 65, at pp. 112-114.

⁹⁰ *The "Torrey Canyon"*, Cmnd, 3246 (London, H.M.S.O., 1967).

⁹¹ Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случае аварий, приводящих к загрязнению нефтью, 29 ноября 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 970, p. 211.

статьи Комиссии, "как представляется, разрешает государству предпринимать незаконные действия, ссылаясь на состояние необходимости", и охарактеризовал предложение Комиссии как "спорное"⁹².

11) С другой стороны, в деле о проекте *Габчиково-Надьмарош*⁹³ Международный Суд внимательно рассмотрел аргументацию, основанную на проекте статьи Комиссии (ныне статья 25), недвусмысленным образом принимая принцип, но одновременно отклоняя ссылку на него применительно к обстоятельствам данного дела. Что касается самого принципа, Международный Суд отметил, что обе стороны полагались на проект статьи Комиссии как на соответствующую формулировку, и далее заявил:

"Суд полагает..., что состояние необходимости признано обычным международным правом в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, нарушающего международное обязательство. Он, кроме того, отмечает, что такое основание для исключений противоправности может быть принято только в порядке исключения. Комиссия международного права высказала то же мнение в объяснении причин, по которым предпочла формулировку от противного... Таким образом, по мнению Комиссии, ссылки на состояние необходимости правомерны лишь при определенных, четко определенных условиях, которые должны соблюдаться в их сочетании, при этом заинтересованное государство не является единственным судьей того, соблюдены эти условия или нет. В данном случае важны следующие основные условия: состояние необходимости должно быть вызвано "существенным интересом" государства, которым совершено противоречащее одному из его международно-правовых обязательств деяние; этому интересу должна угрожать "большая и неминуемая опасность"; оспариваемое деяние должно быть "единственным путем" защиты этого интереса; это деяние не должно "наносить серьезного ущерба существенному интересу" государств, в отношении которых существует данное обязательство; совершившее данное деяние государство

---

⁹² *Rainbow Warrior (New Zealand/France)*, R.I.A.A., vol. XX, p. 217 (1990), at p. 253. В деле *Libyan Arab Foreign Investment Company v. Republic of Burundi*, I.L.R., vol. 96, p. 279 (1994), at p. 319, трибунал отказался комментировать целесообразность кодификации доктрины о необходимости, отметив, что принятые Бурунди меры предположительно не являются единственным способом защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности.

⁹³ *Проект Габчиково-Надьмарош (Венгрия/Словакия)*, I.C.J. Reports 1997, p. 7.

не должно "способствовать возникновению состояния необходимости". Эти условия соответствуют нормам обычного международного права"⁹⁴.

12) Ссылка на необходимость была предметом разбирательства в деле "*Фишериз джюридикшин*"⁹⁵. Организация рыболовных предприятий северо-западной Атлантики (НАФО) приняла нормативные меры по сохранению трансграничных запасов рыб, которые, по мнению Канады, по ряду причин оказались неэффективными. В Законе об охране прибрежных рыбных запасов 1994 года Канада заявила, что рыбным запасам Больших банок угрожает исчезновение, и что целью принятия как Закона, так и правил было "дать Канаде возможность принять срочные меры, необходимые для предотвращения дальнейшего уничтожения этих запасов и обеспечения их воспроизводства". Позднее канадские власти остановили и арестовали в открытом море испанское рыболовное судно "*Эстаи*", что привело к конфликту с Европейским союзом и Испанией. Правительство Испании возражало против того, что арест мотивировался заботой о сохранении запасов, "поскольку он нарушает действующие положения Конвенции НАФО, стороной которой является Канада"⁹⁶. Канада не согласилась с этим, утверждая, что "арест "*Эстаи*" был необходим, чтобы положить конец чрезмерному вылову испанскими рыбаками черного палтуса"⁹⁷. Суд постановил, что он не обладает юрисдикцией применительно к данному делу"⁹⁸.

---

⁹⁴ Там же, стр. 40-41, пункты 51-52.

⁹⁵ *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, *I.C.J. Reports 1998*, p. 431.

⁹⁶ Цитата из постановления суда: *I.C.J. Reports 1998*, p. 431 at p. 443, para. 20. Протест ЕС от 10 марта 1995 года, где утверждается, что арест "не может быть оправдан никаким образом", см. в меморандуме Королевства Испании (сентябрь 1995 года, пункт 15).

⁹⁷ См. далее контрмеморандум Канады (февраль 1996 года), пункты 17-45.

⁹⁸ В согласованном протоколе, подписанном Европейским союзом и Канадой, Канада согласилась на отмену положений о применении закона 1994 года в отношении испанских и португальских судов в районе НАФО и на освобождение судна "*Эстаи*". Стороны четко изложили свои соответствующие позиции "относительно соответствия поправки от 25 мая 1994 года к закону о защите рыбных запасов в прибрежных районах Канады и последующих положений с нормами обычного международного права и Конвенции НАФО" и оставили за собой право "сохранять и отстаивать свои права в соответствии с международным правом". См. *Canada-European Community, Agreed Minute on the Conservation and Management of Fish Stocks*, Brussels, 20 April 1995, *I.L.M.*, vol. 34, p. 1260 (1995). См. также Соглашение об осуществлении положений Конвенции по морскому праву, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими, 8 сентября 1995 года, A/CONF.164/37 (в силу еще не вступила).

13) Правомерность и пределы ссылки на необходимость являются предметом длительной полемики среди авторов. Раньше авторы, как правило, признавали такую ссылку в определенных условиях⁹⁹. В XIX веке злоупотребления необходимостью, связанные с идеей "фундаментальных прав государств", вызвали противоположную реакцию. В течение XX века число авторов, которые высказываются против концепции состояния необходимости в международном праве, увеличилось. Однако баланс мнений продолжает оставаться в пользу обоснованности этой ссылки¹⁰⁰.

14) В целом практика государств и судебные решения подтверждают точку зрения о том, что состояние необходимости может представлять собой обстоятельство, исключающее противоправность при наличии некоторых очень ограниченных условий, и эта точка зрения отражена в статье 25. Соответствующие дела свидетельствуют о том, что на состоянии необходимости делались ссылки для исключения противоправности деяний, противоречащих широкому кругу обязательств, вытекающих из обычного или договорного права¹⁰¹. Состояние необходимости выдвигалось в качестве оправдания для защиты самых разных интересов, включая охрану окружающей среды, защиту самого существования государства и его населения в период чрезвычайного положения или обеспечение безопасности гражданского населения. Однако любой такой аргумент может выдвигаться лишь при соблюдении жестких условий. Об этом свидетельствуют положения статьи 25. В частности, для выделения исключительного характера состояния необходимости и обеспокоенностей, связанных с возможными злоупотреблениями, в статье 25 использована негативная формулировка ("Государство не может ссылаться на состояние необходимости... за исключением тех случаев")¹⁰². В этом отношении

---

⁹⁹ См. В. Ayala, *De jure et officiis bellicis et disciplina militari, libri tres* (1582, repr. Washington, Carnegie Institution, 1912), vol. II, p. 135; A. Gentili, *De iure belli, libri tres* (1612, repr. Oxford, Clarendon Press, 1933), vol. II, p. 351; H. Grotius, *De jure belli ac pacis, libri tres* (1646, repr. Oxford, Clarendon Press, 1925), vol. II, p. 193; S. Pufendorf, *De jure naturae et gentium, libri octo* (1688, repr. Oxford, Clarendon Press, 1934), vol. II, pp. 295-296; C. Wolff, *Jus gentium methodo scientifica pertractatum* (1764, repr. Oxford, Clarendon Press, 1934), vol. II, pp. 173-174; E. de Vattel, *Le droit des gens ou principes de la loi naturelle* (1758, repr. Washington, Carnegie Institution, 1916), vol. III, p. 149.

¹⁰⁰ См. *Yearbook... 1980*, vol. II, Part One, pp. 47-49.

¹⁰¹ Общую информацию об иррелевантности источника нарушенного обязательства см. в статье 12 и комментарии.

¹⁰² Эта негативная формулировка использовалась Судом в связи с делом "*О проекте Габчиково-Надьмароу*", *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 40, para. 51.

рассматриваемая формулировка соответствует формулировке статьи 62 Венской конвенции о праве международных договоров, касающейся резкого изменения обстоятельств. Она также совпадает с этой формулировкой в том, что в пункте 1 определяются два условия, без наличия которых ссылка на состояние необходимости не может осуществляться, а в пункте 2 из сферы охвата оправдания, связанного с состоянием необходимости¹⁰³, целиком исключаются две ситуации.

15) Первое условие, оговоренное в пункте 1 а), заключается в том, что ссылка на состояние необходимости может осуществляться лишь для защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности. Степень, в которой рассматриваемый интерес является "существенным", зависит от всех обстоятельств и не может быть предопределена. Она определяется с учетом конкретных интересов государства и его населения, а также международного сообщества в целом. Однако независимо от того, каким может быть интерес, указанные условия удовлетворяются лишь в том случае, когда соответствующему интересу угрожает большая и неминуемая опасность. В деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*" Международный Суд отметил, что опасность должна быть "объективно установленной, а не просто восприниматься как возможная"¹⁰⁴. Опасность должна быть не только большой, но и неминуемой в смысле ближайшей. Вместе с тем Суд заявил следующее:

"Это не исключает... того, что "опасность", появляющаяся в долгосрочном плане, может быть признана неминуемой после того, как она будет установлена в соответствующий момент времени, что реализация этой опасности, насколько отдаленной она ни была бы, не является поэтому сколько-нибудь менее определенной и неизбежной"¹⁰⁵.

Кроме того, избранный способ действия должен являться "единственным имеющимся путем" для защиты соответствующего интереса. Ссылка на состояние необходимости исключается, если имеются другие пути (являющиеся законными в других отношениях), даже если они могут быть более дорогостоящими или менее удобными. Так, в деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*" Суд не был убежден в том, что одностороннее приостановление и последующее прекращение осуществления проекта было единственным путем в сложившихся обстоятельствах с учетом, в частности, объема уже

---

¹⁰³ Еще одно исключение, являющееся общим для всех обстоятельств, исключаящих противоправность, касается императивных норм: см. статью 26 и комментарий.

¹⁰⁴ *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at pp. 41-42, para. 50.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 42, para. 54.

проделанной работы и затраченных на проект средств, а также возможности решения любых проблем другими способами¹⁰⁶. Слово "путем" в пункте 1 а) не ограничивается односторонними мерами, а может охватывать также другие формы поведения, предполагающие принятие совместных мер с другими государствами или международными организациями (например, мер по охране рыбных запасов, которые могут быть приняты компетентной региональной организацией по вопросам рыболовства). Кроме того, требование о наличии состояния необходимости неразрывно связано с самой ссылкой: любое поведение, выходящее за рамки того, что является строго необходимым для достижения данной цели, не будет охватываться.

16) Для целей пункта 1 а) недостаточно, чтобы опасность являлась лишь ожидаемой или возможной. Действительно, в связи с вопросами, касающимися, например, сохранения и окружающей среды или безопасности крупных объектов, зачастую будет существовать научная определенность, и специалистами могут высказываться различные мнения в отношении того, существует ли опасность, насколько большой или неминуемой она является, и действительно ли предложенные пути решения проблемы являются единственными из имеющихся в соответствующих обстоятельствах. По определению, в случаях, связанных с состоянием необходимости, опасность еще не должна материализоваться. В деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*" Суд отметил, что ссылающееся государство не может быть единоличным судьей, решающим вопрос о существовании состояния необходимости¹⁰⁷, однако степень неопределенности в отношении будущего не обязательно лишает государство права ссылаться на состояние необходимости, если наличие опасности было четко установлено на основании имевшихся на тот момент разумных доказательств.

17) Второе условие для ссылки на состояние необходимости, изложенное в пункте 1 b), заключается в том, что соответствующее поведение не должно наносить серьезного ущерба существенному интересу другого государства или государств или международного сообщества в целом¹⁰⁸. Другими словами, интерес, на который делается ссылка, должен перевешивать все другие соображения не только с точки зрения

---

¹⁰⁶ Ibid., p. 42-43, para.7 55.

¹⁰⁷ Ibid., p. 40, para. 51.

¹⁰⁸ Относительно использования выражения "международное сообщество в целом" см. комментарий к статье 26, пункт 5.

предпринимающего те или иные действия государства, но и с учетом разумной оценки других интересов, будь то индивидуальных или коллективных¹⁰⁹.

18) Помимо условий, оговоренных в статье 25 (1), статья 25 (2) закрепляет два общих ограничения, касающиеся любой ссылки на состояние необходимости. Об этом ясно свидетельствует использование слов "в любом случае". Пункт 2 а) касается случаев, когда соответствующее международное обязательство конкретно или имплицитно исключает ссылку на состояние необходимости. Так, некоторые гуманитарные конвенции, применимые к вооруженному конфликту, четко исключают возможность ссылок на военную необходимость. Другие конвенции, хотя и не содержат положений, четко исключающих ссылки на состояние необходимости, применяются в чрезвычайных ситуациях, создающих опасность для ответственного государства, и явно затрагивают его существенные интересы. В таком случае невозможность использования ссылки на состояние необходимости ясно обуславливается предметом и целью соответствующей нормы.

19) Согласно пункту 2 b) ссылки на состояние необходимости не допускаются в том случае, если несущее ответственность государство способствовало возникновению состояния необходимости. Так, в деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*", Суд счел, что, поскольку Венгрия "способствовала посредством действия или бездействия" возникновению ситуации предполагаемой необходимости, она не может теперь ссылаться на нее в качестве обстоятельства, исключающего противоправность¹¹⁰. Для того чтобы ссылка на состояние необходимости являлась невозможной по смыслу пункта 2 b), содействие возникновению состояния необходимости должно быть достаточно существенным, а не просто случайным или периферийным. Формулировка пункта 2 b) является более категоричной, чем формулировки статей 23 (2) а) и 24 (2) а), поскольку границы состояния необходимости должны быть определены более четко.

20) Как отмечается в статье 25, ссылка на состояние необходимости не предназначается для охвата поведения, которое, в принципе, регулируется первичными обязательствами. Это имеет особое значение в связи с нормами, касающимися применения силы в международных отношениях и вопроса о "военной необходимости". Действительно, в ряде случаев ссылки на состояние необходимости имели место для оправдания военных действий за границей, в частности в контексте просьб, касающихся гуманитарного

---

¹⁰⁹ В деле "*О проекте Габчиково-Надьмарош*" Суд подтвердил необходимость учета любых коллизирующих интересов другого соответствующего государства: *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 46, para. 58.

¹¹⁰ *Ibid.*, at p. 46, para. 57.

вмешательства¹¹¹. Однако законность или незаконность таких действий должна определяться в соответствии с положениями статьи 2 (4) Устава Организации Объединенных Наций и соответствующих первичных норм. Вопрос о том, могут ли меры, связанные с принудительным гуманитарным вмешательством, которые запрещены, согласно главам VII и VIII Устава Организации Объединенных Наций, быть законными в рамках современного международного права, не охватывается статьей 25¹¹². То же самое применимо к доктрине "военной необходимости", которая прежде всего является основополагающим критерием для ряда основных норм, касающихся законов войны и нейтральности, а также включена в положения ряда договоров, касающихся международного гуманитарного права¹¹³. В обоих отношениях, хотя соображения,

---

¹¹¹ Например, в 1960 году Бельгия сослалась на состояние необходимости для оправдания своей военной интервенции в Конго. Этот вопрос обсуждался в Совете Безопасности, но не с точки зрения ссылки на состояние необходимости как таковой. См. *S.C.O.R., Fifteenth Year, 873rd mtg., 13/14 July 1960, paras. 144, 182, 192; 877th mtg., 20/21 July 1960, paras. 31ff, 142; 878th mtg., 21 July 1960, paras. 23, 65; 879th mtg., 21/22 July 1960, paras. 80ff, 118, 151*. Что касается инцидента, связанного с "Кэрролайн", см. выше, пункт 5.

¹¹² См. также статью 26 и комментарий относительно общего исключения из сферы охвата обстоятельств, исключаящих противоправность, поведения, представляющего собой нарушение императивной нормы.

¹¹³ См., например, статью 23 г) Гаагских положений о законах и обычаях сухопутной войны (содержащиеся в приложении к Конвенции II 1899 года и Конвенции IV 1907 года), которая запрещает разрушение собственности противника, "кроме случаев, когда такое разрушение или захват настоятельно вызывается военной необходимостью": J.B. Scott (ed.), *The Proceedings of the Hague Peace Conferences* (New York, Oxford University Press, 1920) vol. I, p. 623. Аналогичным образом, статья 54 (5) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 8 июня 1977 года, *U.N.T.S.*, vol. 1125, p. 3, как представляется, допускает нападения на объекты, имеющие жизненно важное значение для выживания гражданского населения, если этого требует "настоятельная военная необходимость".

схожие с теми, которые лежат в основе статьи 25, могут играть определенную роль, они принимаются во внимание в контексте формулирования и толкования первичных обязательств¹¹⁴.

Статья 26

Соблюдение императивных норм

Ничто в настоящей Главе не исключает противоправности любого деяния государства, если это деяние не соответствует обязательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права.

Комментарий

- 1) Согласно статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров договор, который противоречит императивной норме общего международного права, является недействительным. Согласно статье 64 любой существующий договор, который оказывается в противоречии с новой императивной нормой, становится недействительным и прекращается¹¹⁵. Вопрос заключается в том, какие последствия эти положения могут иметь для вопросов, рассматриваемых в Главе V.
- 2) Фицморис как Специальный докладчик по вопросам о праве международных договоров рассматривал этот вопрос на основе подразумеваемого условия "сохраняющейся совместимости с международным правом", отмечая, что:

---

¹¹⁴ См., например, M. Huber, "Die kriegsrechtlichen Verträge und die Kriegsraison", *Zitschrift für Völkerrecht*, vol. VII (1913), p. 351; D. Anzilotti, *Corso di diritto internazionale* (Rome, Athenaeum, 1915), vol. III, p. 207; C. de Visscher, "Les lois de la guerre et la théorie de la nécessité", *R.G.D.I.P.*, vol. XXIV (1917), p. 74; N.C.H. Dunbar, "Military necessity in war crimes trials", *B.Y.I.L.*, vol. 29 (1952), p. 442; C. Greenwood, in: *The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts* (D. Fleck ed.) (Oxford, Oxford University Press, 1995), pp. 30-33; Y. Dinstein, "Military Necessity", in: *Encyclopedia of Public International Law*, vol. III (R. Bernhardt ed.,) (Amsterdam, North Holland, 1997), pp. 395-397.

¹¹⁵ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331, статья 64. См. также статью 44 (5), которая предусматривает, что в случаях, подпадающих под действие статьи 53, делимость положений договора не допускается.

"Договорное обязательство, соблюдение которого несовместимо с новой нормой или запретом в международном праве общего международно-правового характера, оправдывает (и требует) невыполнение любого договорного обязательства, связанного с такой несовместимостью... Тот же самый принцип применим, когда после заключения договора возникают обстоятельства, приводящие в действие существующую норму международного права, которая не имела значения для ситуации в том виде, в котором она существовала на время заключения этого договора"¹¹⁶.

Вместе с тем Комиссия не предложила никаких конкретных статей по данному вопросу, за исключением самих статей 53 и 64.

3) В тех случаях, когда существует явная коллизия между первичными обязательствами, одно из которых имеет императивный характер, поскольку оно возникает для государства непосредственно из императивной нормы общего международного права, представляется очевидным, что императивное обязательство должно иметь преимущественную силу. В процессе толкования и применения такие вопросы следует решать без какой-либо необходимости использования вторичных норм об ответственности государства. В теории можно было бы рассмотреть коллизию, возникшую впоследствии между тем или иным договорным обязательством, представляющимся законным и преследующим благие цели, и императивной нормой. При возникновении такого случая было бы чрезмерным признать недействительным весь договор лишь на том основании, что его применение в рассматриваемом случае не предполагалось. Однако на практике, как представляется, такие ситуации не возникали¹¹⁷. Даже если бы они возникли, императивные нормы общего международного права закрепляют четкие принципы толкования, позволяющие урегулировать все или большинство очевидных коллизий.

---

¹¹⁶ Fitzmaurice, "Firth Report on the Law of Treaties", *Yearbook...* 1959, vol. II, p. 46. См. также S. Rosenne, *Breach of Treaty* (Cambridge, Grotius, 1984) p. 63.

¹¹⁷ См. возможную аналогию в замечаниях временного судьи Лаутерпахта в связи с *Применением Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, временные меры, постановление от 13 сентября 1993 года, I.C.J. Reports, 1993*, p. 325, at pp. 439-441. Суд не затронул этих вопросов в своем постановлении.

4) Вместе с тем желательно пояснить, что обстоятельства, исключаящие противоправность, в Главе V Части первой не санкционируют и не оправдывают никаких отступлений от императивных норм общего международного права. Например, государство, принимающее контрмеры, не может отступать от такой нормы: так, геноцид не может оправдывать контргеноцид¹¹⁸. Аналогичным образом ссылка на состояние необходимости не может служить оправданием нарушения императивной нормы. Было бы возможно включить этот принцип непосредственно в каждую из статей Главы V, однако для целей большей экономии, а также в большей степени учитывая превалирующий характер этой категории норм данный основополагающий принцип следует рассмотреть в отдельности. Поэтому в статье 26 говорится о том, что ничто в Главе V не исключает противоправности любого деяния государства, если это деяние не соответствует обязательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права¹¹⁹.

5) Для определения императивных норм общего международного права используются жесткие критерии. Статья 53 Венской конвенции требует не только того, чтобы рассматриваемая норма соответствовала всем критериям для признания в качестве нормы общего международного права, имеющей обязательный характер, но и то, что она должна быть признана в качестве императивной нормы международным сообществом государств в целом. До настоящего времени относительно небольшое число императивных норм были признаны в качестве таковых. Однако различные трибуналы, как национальные, так и международные, подтвердили идею императивных норм в контекстах, не ограничиваемых действительностью договоров¹²⁰. В число тех императивных норм,

---

¹¹⁸ Как отметил Международный Суд в своем решении о встречных требованиях в связи с рассмотрением дела, касавшегося *Применения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него*, "ни при каких обстоятельствах одно нарушение Конвенции не может служить оправданием для совершения другого"; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Counter-Claims, I.C.J. Reports, 1997*, p. 243, at p. 258, para. 35.

¹¹⁹ Для удобства это ограничение вновь воспроизводится в контексте контрмер в Части третьей, Глава II. См. статью 50 и комментарий, пункты 10-12.

¹²⁰ См., например, решения Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии по делу IT-95-17/1, *Prosecutor v. Anto Furundzija*, judgment of 10 December 1998; *I.L.M.*, vol. 38 (1999), p. 317, а также Палаты лордов Великобритании по делу *R v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte (No. 3)* [1999] 2 All ER 97, esp. at pp. 108-109, and 114-115 (Lord Browne-Wilkinson). Cf. *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, I.C.J. Reports 1996*, p. 226, at p. 257, para. 79.

которые были ясно приняты и признаны, входят запреты, касающиеся агрессии, геноцида, рабства, расовой дискриминации, преступлений против человечности и пыток, а также право на самоопределение¹²¹.

6) Что касается терминологии, то вместо выражения "международное сообщество государств в целом", которое используется в конкретном контексте статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров, достаточно использовать выражение "международное сообщество в целом". Слово "государств" было включено в статью 53 Венской конвенции для выделения важнейшей роли, которую играют государства в разработке международного права, включая в особенности определение международных обязательств императивного характера. С другой стороны, Международный Суд использовал выражение "международное сообщество в целом" в деле "*Барселона трекин*"¹²², и оно часто используется в договорах и других международных документах в том же значении, что и в статье 25 (1) b)¹²³.

7) В соответствии со статьей 26 обстоятельства, исключаяющие противоправность, не могут оправдывать нарушение обязательств государства, вытекающих из императивной нормы общего международного права. Статья 26 не затрагивает предыдущего вопроса о том, имело ли место такое нарушение в том или ином конкретном случае. Это имеет особое значение в случае ряда статей в главе V. Одно государство не может освободить другое от обязательства соблюдать императивную норму, например касающуюся

---

¹²¹ *East Timor (Portugal v. Australia)*, I.C.J. Reports 1995, p. 90, at p. 102, para. 29.

¹²² *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Second Phase*, I.C.J. Reports 1970, p. 3, at p. 32, para. 33.

¹²³ См., например, Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 14 декабря 1973 года, *U.N.T.S.*, vol. 1035, p. 167, preambular para. 3; Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников, 17 декабря 1979 года, *U.N.T.S.*, vol. 1316, p. 205, preambular para. 4; Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, Рим, 10 марта 1988 года, I.M.O. Document SUA/CON/15; *I.L.V.*, vol. 27 (1988), p. 665, preambular para. 5; Конвенцию о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, 9 декабря 1994 года (A/RES/49/59), пункт 3 преамбулы, Международную конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом, 15 декабря 1997 года, документ A/RES/52/164, пункт 10 преамбулы; Статут Международного уголовного суда, 17 июля 1998 года, A/CONF.183/9, пункт 9 преамбулы; Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма, 9 декабря 1999 года (A/RES/54/109), открытую для подписания 10 января 2000 года, пункт 9 преамбулы.

геноцида или пыток, будь то на основании договора или иным образом. Однако в применении некоторых императивных норм согласие конкретного государства может иметь значение. Например, государство может на законном основании предоставить согласие на присутствие иностранных военных сил на своей территории для достижения законной цели. Определение того, в каких обстоятельствах предоставленное согласие являлось законным, вновь представляет собой вопрос, подлежащий урегулированию другими нормами международного права, а не вторичными нормами, касающимися ответственности государств¹²⁴.

Статья 27

Последствия ссылки на обстоятельство, исключающее противоправность

Ссылка на обстоятельство, исключающее противоправность, в соответствии с настоящей главой не затрагивает:

- a) соблюдения данного обязательства, если и в той мере, в какой обстоятельства, исключающие противоправность, более не существует;
- b) вопроса о компенсации за любой материальный вред, причиненный данным деянием.

Комментарий

1) Статья 27 представляет собой формулировку, содержащую клаузулу "не затрагивает", касающуюся ряда инцидентов или последствий ссылки на обстоятельства, исключающие противоправность, по смыслу главы V. В ней рассматриваются два вопроса. Во-первых, в ней ясно говорится о том, что обстоятельства, исключающие противоправность, как таковые не затрагивают основополагающего обязательства, в связи с чем в том случае, если соответствующее обязательство больше не существует, обязательство вновь приобретает полную силу и действие. Во-вторых, в ней говорится о возможности компенсации в некоторых случаях. Статья 27 сформулирована в виде клаузулы "не затрагивает", поскольку в случае первого пункта существует возможность того, что воздействие фактов, которые раскрывают обстоятельство, исключающее противоправность, может также влечь за собой прекращение действия обязательства, а в случае второго пункта – поскольку отсутствует возможность в целом оговорить те случаи, в которых выплачивается компенсация.

---

¹²⁴ См. комментарий к статье 20, пункты 4–7.

2) В подпункте а) статьи 27 затрагивается вопрос о том, что происходит в том случае, когда условие, препятствующее выполнению обязательства, больше не существует или постепенно прекращает действовать. Из него ясно следует, что глава V имеет лишь превентивный характер. Когда и в той мере, в какой обстоятельство, исключаящее противоправность, более существует или перестает в силу той или иной причины оказывать свое превентивное воздействие, рассматриваемое обязательство (если исходить из того, что оно по-прежнему остается в силе) должно вновь соблюдаться, при этом государство, чье несоблюдение ранее имело оправдание, теперь должно действовать соответствующим образом. Слова "и в той мере" предназначаются для охвата ситуаций, в которых условия, препятствующие соблюдению, постепенно ослабевают и позволяют обеспечить частичное соблюдение обязательства.

3) Этот принцип был подтвержден Трибуналом при рассмотрении дела о судне "Рейнбоу Уорриор"¹²⁵, а затем еще более ясно Международным Судом в связи с делом "О проекте Габчиково-Надьмарош"¹²⁶. Рассматривая аргумент Венгрии о том, что противоправность ее поведения в связи с прекращением работ по Проекту была исключена состоянием необходимости, Суд отметил:

"Даже если будет установлено наличие состояния необходимости, оно не является основанием для прекращения договора. На это обстоятельство можно сослаться только для освобождения от ответственности государства, которое не выполнило договор. Даже в случае его обоснованности оно не прекращает договора; договор может не действовать столь долго, сколько существует состояние необходимости; фактически он может "спать", однако если стороны по взаимному согласию не прекращают его действие, то договор продолжает существовать. Как только состояние необходимости прекращается, вновь возникает обязанность выполнять договорные обязательства"¹²⁷.

---

¹²⁵ *Rainbow Warrior (New Zealand/France)*, R.I.A.A., vol.XX, p. 217 (1990), at pp. 251-252, para. 75.

¹²⁶ *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, I.C.J. Reports 1997, p. 7.

¹²⁷ *Ibid.*, at p. 63, para. 101; see also *ibid.*, at p. 38, para. 47.

Могут существовать случаи, когда конкретные обстоятельства, исключающие противоправность, являются одновременно достаточной основой для прекращения действия основополагающего обязательства. Так, нарушение договора, оправдывающее контрмеры, может быть "существенным" по смыслу статьи 60 Венской конвенции 1969 года и может позволить потерпевшему государству прекратить действие договора. И наоборот, обязательство может быть в полной мере восстановлено или его действие, в принципе, в полной мере возобновлено, но при этом может потребоваться урегулировать варианты возобновления выполнения обязательства. Это не те вопросы, которые могут решаться в статье 27, за исключением того, что она может предусмотреть, что ссылка на обстоятельства, исключающие противоправность, не затрагивает "соблюдения данного обязательства, если и в той мере, в какой обстоятельства, исключающего противоправность, более не существует". В данном случае "соблюдение данного обязательства" включает прекращение противоправного поведения.

4) Подпункт b) статьи 27 представляет собой оговорку, касающуюся вопросов возможной компенсации за ущерб в случаях, охватываемых главой V. Хотя в статье 27 b) используется термин "компенсация", он не касается компенсации в рамках возмещения за противоправное поведение, которое рассматривается в статье 34. В ней, скорее, рассматривается вопрос о том, следует ли ожидать, что государство, ссылающееся на обстоятельство, исключающее противоправность, должно, тем не менее, компенсировать любой материальный вред, причиненный любому непосредственно затронутому государству. Выражение "материальный вред" является более узким по своему значению, чем понятие "ущерб", встречающееся в других статьях: статья 27 касается лишь возмещения убытков, которые могут иметь место в том случае, когда одна из сторон ссылается на обстоятельства, охватываемые главой V.

5) Подпункт b) является в определенных случаях надлежащим условием, позволяющим первому государству ссылаться на обстоятельства, исключающие противоправность. Без возможности такой ссылки государство, чье поведение в противном случае являлось бы незаконным, могло бы стремиться переложить бремя защиты своих собственных интересов или озабоченностей на невиновное третье государство. Этот принцип был признан Венгрией, приведшей аргумент о необходимости в связи с делом "*О проекте Габчиково-Надьмарош*". Как было отмечено Судом, "Венгрия четко признала, что в любом случае такое состояние необходимости не освобождало бы ее от обязанности

выплатить возмещение ее партнеру"¹²⁸. Поскольку аргумент о необходимости был отклонен, вопрос о точном объеме такого возмещения в обстоятельствах данного дела рассмотрен не был.

6) В подпункте b) не предпринимается попытки оговорить обстоятельства, при которых следует выплачивать компенсацию. В целом круг возможных ситуаций, охватываемых главой V, является таковым, что закрепление подробного режима компенсации представляется нецелесообразным. Следовательно, именно государству, ссылающемуся на обстоятельство, исключающее противоправность, следует договариваться с любыми пострадавшими государствами о возможности и размере компенсации в каждом конкретном случае.

Часть вторая

Содержание международной ответственности государства

1) Тогда как в Части первой статей определяются общие условия, необходимые для появления ответственности государства, Часть вторая касается юридических последствий для ответственного государства. Действительно, государство может сталкиваться с юридическими последствиями поведения, являющегося международно-противоправным, за пределами сферы охвата ответственности государства. Например, материальное нарушение договора может предоставить потерпевшему государству право прекратить или приостановить действие договора целиком или частично¹²⁹. Однако в Части второй рассматриваются прежде всего новые правовые взаимоотношения, которые возникают после совершения государством международно-противоправного деяния. Это представляет собой существо или содержание международной ответственности государства в соответствии с рассматриваемыми Статьями.

2) В рамках сферы охвата ответственности государства последствия, вытекающие в результате совершения государством международно-противоправного деяния, могут быть конкретно оговорены в таких терминах, чтобы исключить другие последствия, будь то

---

¹²⁸ Ibid., at p. 39, para. 48. Отдельный вопрос касался представления отчетности за возросшие расходы, связанные с осуществлением проекта: *ibid.*, at p. 81, paras. 152-153.

¹²⁹ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331, art. 60.

целиком или частично¹³⁰. Однако в отсутствие каких-либо конкретных положений международное право возлагает на ответственное государство новые обязательства, и в частности обязательство компенсировать пагубные последствия, вытекающие из совершенного деяния. Тесная связь между нарушением международного обязательства и ближайшим правовым последствием такого деяния в виде обязательства по возмещению ущерба была признана в статье 36 (2) Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, которая была воспроизведена без изменений в виде статьи 36 (2) в Статуте Международного Суда. В соответствии со статьей 36 (2) государства - участники Статута могут признать обязательной юрисдикцию Суда, в частности, по всем правовым спорам, касающимся...

- "c) наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства;
- d) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства".

В Части первой рассматриваемых Статей закрепляются общие правовые нормы, применимые к вопросу, рассматриваемому в подпункте c), а в Части второй - такие же нормы в отношении подпункта d).

3) Часть вторая состоит из трех глав. В Главе I излагаются некоторые общие принципы и более точно определяется сфера охвата Части 2. В Главе II основное внимание уделяется формам возмещения (реституция, компенсация, сатисфакция) и связям между ними. В Главе III рассматривается особая ситуация, возникающая в случае серьезного нарушения обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права, и оговариваются некоторые юридические последствия таких нарушений как для ответственного государства, так и для других государств.

---

¹³⁰ В отношении принципа *lex specialis* применительно к ответственности государств см. статью 55 и комментарий к ней.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

1) Глава I Части второй содержит шесть статей, в которых определяются в общих положениях юридические последствия международно-противоправного деяния государства. Конкретные нарушения международного права могут в значительной мере варьироваться от сравнительно незначительных или мелких до случаев, которые создают опасность для выживания общин и народов, территориальной целостности и политической независимости государств, а также для окружающей среды целых регионов. Это может иметь место независимо от того, существуют ли рассматриваемые обязательства в отношении одного или другого государства, нескольких или всех государств или в отношении международного сообщества в целом. Однако помимо серьезности или последствий конкретных случаев нормы и институты, касающиеся ответственности государств, имеют важное значение для поддержания уважения к международному праву и для достижения целей, преследуемых государствами с помощью процесса разработки правовых норм на международном уровне.

2) В рамках Главы I статья 28 является вводной статьей, закрепляющей принцип, согласно которому юридические последствия возникают во всех случаях, когда государство совершает международно-противоправное деяние. В статье 29 ясно говорится о том, что эти последствия не затрагивают и не вытесняют обязательство ответственного государства по дальнейшему исполнению нарушенного обязательства. Это положение находит дальнейшее развитие в статье 30, в которой рассматривается вопрос об обязательстве прекратить деяние и предоставить надлежащие заверения или гарантии неповторения. В статье 31 закрепляется общее обязательство по возмещению ущерба, причиненного вследствие нарушения государством норм международного права. В статье 32 ясно говорится о том, что ответственное государство не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права с целью избежать выполнения обязательств по прекращению деяния и предоставлению возмещения, вытекающих из Части второй. И наконец, в статье 33 уточняется сфера охвата настоящей части как с точки зрения государств, в отношении которых существуют обязательства, так и с точки зрения определенных вторичных правовых последствий, которые не охватываются во второй и третьей Частях настоящих Статей, поскольку они возникают непосредственно в отношении образований, иных чем государство.

Статья 28

Юридические последствия международно-противоправного деяния

Международная ответственность государства, которую влечет за собой международно-противоправное деяние в соответствии с положениями Части первой, порождает юридические последствия, установленные в настоящей Части.

Комментарий

- 1) Статья 28 служит введением к Части второй и носит разъяснительный характер. Она связывает положения Части первой, которые определяют условия, когда именно возникает международная ответственность государства, с положениями Части второй, закрепляющей юридические последствия, возникающие в связи с ответственностью за совершение международно-противоправного деяния.
- 2) Основными юридическими последствиями международно-противоправного деяния, закрепленными в Части второй, являются обязательства ответственного государства прекратить противоправное деяние (статья 30) и предоставить полное возмещение за ущерб, причиненный международно-противоправным деянием (статья 31). В тех случаях, когда международно-противоправное деяние представляет собой серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права, нарушение может повлечь за собой дополнительные последствия как для ответственного государства, так и для других государств. В частности, все государства в таких случаях обязаны осуществлять сотрудничество с целью обеспечения прекращения нарушения, не признавать ситуацию, созданную в результате нарушения, законной и не оказывать помощь или содействие ответственному государству в сохранении возникшей ситуации (статьи 40, 41).
- 3) Статья 28 не исключает возможности того, что международно-противоправное деяние может приводить к возникновению правовых последствий в отношениях между государством, ответственным за совершенное деяние, и лицами или образованиями, иными, чем государства. Это вытекает из статьи 1, которая охватывает все международные обязательства государства, а не только обязательства в отношении других государств. Так, ответственность государства распространяется, например, на нарушения прав человека и другие нарушения международного права, когда основным бенефициаром нарушенного обязательства является не государство. Вместе с тем, тогда как Часть первая применима ко всем случаям, в которых государство может совершить международно-противоправное деяние, Часть вторая имеет более ограниченную сферу охвата. Она не применяется к обязательствам по возмещению в той мере, в какой эти обязательства

возникают в отношении образования, иного чем государство, или на которые ссылается такое образование. Другими словами, положения Части второй не затрагивают любых прав, вытекающих из международной ответственности государства, которые могут возникать непосредственно в отношении любого лица или образования, иного, чем государство, и об этом ясно говорится в статье 33.

Статья 29

Сохранение обязанности по исполнению обязательства

Юридические последствия международно-противоправного деяния согласно настоящей Части не затрагивают сохраняющейся обязанности ответственного государства по исполнению нарушенного обязательства.

Комментарий

- 1) В тех случаях, когда государство нарушает международное обязательство, в центре внимания находятся вопросы, касающиеся восстановления затронутых юридических отношений и их дальнейшего развития. Помимо вопроса о возмещении, сразу же возникают два вопроса, а именно: воздействие поведения ответственного государства на нарушенное обязательство и прекращение нарушения, если оно продолжается. Первый из этих вопросов рассматривается в статье 29, а второй - в статье 30.

- 2) В статье 29 закрепляется общий принцип, согласно которому юридические последствия международно-противоправного деяния не затрагивают сохраняющиеся обязанности государства по исполнению нарушенного обязательства. Вследствие совершения международно-противоправного деяния между ответственным государством и государством или государствами, в отношении которых существует международное обязательство, возникает новый свод юридических отношений. Однако это не означает исчезновения существовавших ранее юридических отношений, определявшихся первичным обязательством. Даже если ответственное государство исполняет свои обязательства согласно Части второй по прекращению противоправного поведения и предоставлению полного возмещения причиненного ущерба, с него не снимается обязанность по исполнению нарушенного обязательства. Сохраняющееся обязательство по исполнению международного обязательства, несмотря на нарушения, лежит в основе концепции продолжающегося противоправного деяния (см. статью 14) и обязательства по прекращению этого деяния (см. статью 30 а)).

3) В некоторых ситуациях конечным последствием нарушения обязательства может являться прекращение существования самого обязательства. Например, государство, понесшее ущерб вследствие материального нарушения двустороннего договора, может решить прекратить действие данного договора¹³¹. Однако, как ясно указывается в соответствующих положениях Венской конвенции о праве международных договоров, один лишь факт нарушения и даже расторжения договора не прекращает действие договора¹³². Потерпевшему государству надлежит отреагировать на нарушение в тех пределах, которые оговорены в Венской конвенции. Потерпевшее государство может быть заинтересовано не в прекращении действия договора, а в обращении с призывом к продолжению соблюдения соответствующих обязательств. В тех случаях, когда действие договора было должным образом прекращено по причине совершенного нарушения, прекращение действия не затрагивает юридических отношений, которые возникли в соответствии с договором до его прекращения, включая обязательство по предоставлению возмещения за любое нарушение¹³³. Нарушение обязательств в соответствии с общим международным правом даже в еще меньшей степени может влиять на основополагающее обязательство и, по сути дела, никогда не приведет к таким последствиям *в качестве такового*. Напротив, вторичные юридические последствия ответственности государства возникают после совершения нарушения, и для этого не требуется, чтобы потерпевшее государство поднимало вопрос о таких последствиях.

---

¹³¹ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331, art. 60.

¹³² Так, в связи с делом "*О проекте Габчико-Надьмарош*" Суд отказался вынести решение о том, что продолжающиеся материальные нарушения обеими сторонами привели к прекращению действия Договора 1977 года: *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, *I.C.J. Reports 1997*, p.7, at p. 68, para. 114.

¹³³ См., например, *Rainbow Warrior (New Zealand/France)*, *R.I.A.A.*, vol. XX, p. 217 (1990), at p. 266, в котором приводится особое мнение Председателя Макнер по делу *Ambatielos, Preliminary Objection*, *I.C.J. Reports 1952*, p. 28, at p. 63. По этому конкретному вопросу сам Суд выразил согласие: *ibid.* at p. 45. В деле "*О проекте Габчико-Надьмарош*" Венгрия согласилась с тем, что юридические последствия прекращения ею действия договора 1977 года по причине совершенного Словакией нарушения являются лишь предполагаемыми и не затрагивают существующих прав обеих сторон: *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at pp. 73-74, paras. 125-127. Суд постановил, что Договор по-прежнему остается в силе, и поэтому не затронул данный вопрос.

4) В статье 29 нет необходимости рассматривать вопрос о таких ситуациях. В ней всего лишь говорится о том, что юридические последствия международно-противоправного деяния в рамках концепции ответственности государства не затрагивают любой сохраняющейся обязанности по исполнению нарушенного обязательства. Вопрос о том, сохраняется ли обязательство несмотря на нарушение, и если да, то в какой степени, регулируется не правовыми нормами об ответственности государств, а нормами, касающимися соответствующего первичного обязательства.

Статья 30

Прекращение и неповторение деяния

Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано:

- a) прекратить это деяние, если оно продолжается;
- b) предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства.

Комментарий

1) В статье 30 рассматриваются два отдельных, но при этом взаимосвязанных вопроса, возникающих в связи с нарушением международного обязательства: прекращение противоправного поведения и предоставление ответственным государством заверений и гарантий неповторения, если того требуют обстоятельства. Оба вопроса являются аспектами восстановления и исправления юридических отношений, затронутых нарушением. Прекращение как таковое выступает в качестве негативного аспекта будущего соблюдения, поскольку при этом преследуется цель обеспечить прекращение противоправного поведения, тогда как заверения и гарантии выполняют превентивную функцию и могут быть описаны в качестве позитивного усиления соблюдения обязательства в будущем. Сохранение в силе основополагающего обязательства является необходимым предположением в обоих случаях, поскольку, если после нарушения обязательство перестает существовать, то вопрос о прекращении деяния не возникает, и не имеет смысла вести речь о заверениях и гарантиях¹³⁴.

---

¹³⁴ Ср. Венскую конвенцию о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331, art. 70 (1).

2) Пункт а) статьи 30 касается обязательства государства, несущего ответственность за совершение международно-противоправного деяния, прекратить противоправное поведение. В соответствии со статьей 2 слово "деяние" охватывает как действия, так и бездействие. Таким образом, прекращение касается всех противоправных деяний, длящихся во времени, "независимо от того, является ли поведение государства действием или бездействием... поскольку могут быть ситуации, когда прекращение заключается в том, что государство воздерживается от совершения определенных действий..."¹³⁵.

3) В решении по делу "*Рейнбоу Ворриор*" Трибунал подчеркнул "два неразрывно связанных существенных условия", необходимых для возникновения требования о прекращении противоправного поведения, "а именно: противоправное деяние должно иметь длящийся характер и нарушенная норма в момент издания распоряжения должна находиться в силе"¹³⁶. Хотя обязанность прекратить противоправное поведение будет в большинстве случаев возникать при совершении продолжающегося противоправного деяния¹³⁷, статья 30 охватывает также ситуации, в которых государство нарушило обязательство несколько раз, предполагая возможность дальнейших повторов. Выражение "если оно продолжается" в конце пункта а) рассматриваемой статьи преследует цель охвата обеих ситуаций.

4) Прекращение поведения, нарушающего международное обязательство, является первым требованием для ликвидации последствий противоправного поведения. Вместе с возмещением ущерба оно представляет собой одно из двух общих последствий международно-противоправного деяния. Прекращение часто находится в центре спора, вызванного поведением, нарушающим международное обязательство¹³⁸. Оно часто

---

¹³⁵ *Rainbow Warrior, R.I.A.A.*, vol. XX, p. 217 (1990), at p. 270, para. 113.

¹³⁶ *Ibid.*, at p. 270, para. 114.

¹³⁷ Что касается концепции продолжающегося противоправного деяния, см. комментарий к статье 14, пункты 3-11.

¹³⁸ В рамках механизма урегулирования споров ВТО основное внимание уделяется не столько возмещению ущерба, сколько прекращению деяния: Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, 15 апреля 1994 года, приложение 2, Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, в частности статья 3 (7), которая предусматривает компенсацию "только в том случае, если немедленная отмена данной меры нереалистична, и лишь на временной основе, в ожидании отмены меры, не совместимой с охваченным соглашением". О различии между прекращением и возмещением для целей ВТО см., например, *Australia - Subsidies Provided to Producers and Exporters of Automotive Leather*, Panel Report, 21 January 2000 (WTO doc. WT/DS126/RW), para. 6.49.

требуется не только государствами, но и органами международных организаций, такими, как Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности, в случае серьезных нарушений международного права. Напротив, возмещение, хотя и имеющее важное значение во многих случаях, может не являться центральным вопросом в споре между государствами относительно вопросов об ответственности¹³⁹.

5) Функция прекращения заключается в остановке нарушения международного права и в обеспечении сохранения действенности и эффективности основополагающей первичной нормы. Таким образом, обязанность ответственного государства по прекращению деяния защищает как интересы потерпевшего государства или государств, так и интересы международного сообщества в целом в сохранении верховенства права и опоре на этот принцип.

6) Существует несколько причин, в силу которых прекращение следует воспринимать как нечто большее, чем просто функцию обязанности по соблюдению первичного обязательства. Во-первых, вопрос о прекращении возникает лишь в случае нарушения. То, что должно случиться впоследствии, зависит не только от толкования первичного обязательства, но и от вторичных норм, касающихся средств правовой защиты, при этом представляется целесообразным, чтобы они рассматривались, по меньшей мере в общих положениях, в статьях, касающихся последствий международно-противоправного деяния. Во-вторых, продолжающиеся противоправные деяния являются общей особенностью дел, связанных с ответственностью государств, и непосредственно рассматриваются в статье 14. Существует необходимость рассмотрения последствий таких деяний в Части второй.

7) Вопрос о прекращении часто возникает в тесной увязке с вопросом о возмещении, в особенности с вопросом о реституции. Результат прекращения может быть неотделимым от реституции, например в случаях, связанных с освобождением заложников или возвращением захваченных объектов или помещений. Тем не менее между ними следует проводить различие. В отличие от реституции, в отношении прекращения не применяются ограничения, касающиеся пропорциональности¹⁴⁰. Оно может привести к

---

¹³⁹ Что касается дел, в которых Международный Суд признал, что это может быть справедливым, см., например, *Fisheries Jurisdiction, Merits (Federal Republic of Germany v. Iceland)*, *I.C.J. Reports*, 1974, p. 175, at pp. 201-205, paras. 67-76; *Gabčikovo-Nagymaros Project*, *I.C.J. Reports* 1997, p. 7, at p. 81, para. 153. См. далее С. Gray, *Judicial Remedies in International Law* (Oxford, Clarendon Press, 1987), pp. 77-92.

¹⁴⁰ См. статью 35 b) и комментарий к ней.

появлению обязательства длящегося характера, даже в тех случаях, когда буквальное возвращение к *status quo ante* исключается или может быть обеспечено лишь приблизительно.

8) О трудности проведения различия между прекращением и реституцией свидетельствует арбитражное разбирательство по делу о судне "*Рейнбоу Уорриор*". Новая Зеландия добивалась возвращения двух агентов под стражу на острове Хао. По мнению Новой Зеландии, Франция была обязана вернуть их и содержать их под стражей на этом острове в течение оставшихся трех лет; действие этого обязательства не прекратилось, поскольку время, проведенное за пределами острова, не должно было засчитываться для этой цели. Трибунал выразил иное мнение, согласно которому обязательство действовало в течение ограниченного срока, который истек, в связи с чем вопрос о прекращении не возникает¹⁴¹. Разумеется, возвращение указанных двух агентов на остров не имело смысла для Новой Зеландии при отсутствии продолжающегося обязательства Франции по удержанию их на острове. Таким образом, возвращение к *status quo ante* может иметь небольшое значение или не иметь никакого значения вообще, если нарушенное обязательство не остается в силе. И наоборот, для потерпевшего государства может не иметься выбора для отказа от реституции, если ответственное государство обязано продолжать исполнять нарушенное обязательство, а первое государство не имеет полномочий освободить его от такого исполнения. Различие между прекращением и реституцией может иметь важные последствия для обязательств соответствующих государств.

9) Пункт b) статьи 30 касается обязательства ответственного государства предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства. Как и прекращение, заверения и гарантии связаны с восстановлением доверия к продолжению взаимоотношений, хотя они предполагают значительно большую гибкость, чем прекращение, и требуются не во всех случаях. Они чаще всего требуются в тех случаях, когда потерпевшее государство имеет основания полагать, что простое восстановление существовавшей ранее ситуации не обеспечит ему удовлетворительной защиты. Например, после многочисленных демонстраций протеста перед зданием посольства Соединенных Штатов в Москве в 1964-1965 годах президент Джонсон заявил, что...

---

¹⁴¹ R..I.A.A., vol. XX, p. 271 (1990), at p. 266, para. 105.

"Правительство Соединенных Штатов должно настаивать на том, чтобы его дипломатическим представительствам и их сотрудникам обеспечивалась защита, которая требуется международным правом и существующими обычаями и которая необходима для поддержания дипломатических отношений между государствами. Выражения сожаления и компенсация не являются заменой адекватной защиты"¹⁴².

Такие требования не всегда излагаются в форме заверений или гарантий, однако все они связаны с будущим и касаются других потенциальных нарушений. Основной упор в них делается на предотвращении, а не на возмещении, и они охватываются положениями статьи 30.

10) Вопрос о том, могут ли заверения или гарантии неповторения быть юридическими последствиями международно-противоправного деяния, обсуждался в связи с делом "*Лаграндов*"¹⁴³. Речь шла о предполагаемом необеспечении консульского уведомления в нарушение положений статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года. В своем четвертом представлении Германия стремилась получить как общие, так и конкретные заверения и гарантии в отношении способов обеспечения соблюдения Конвенции в будущем. Соединенные Штаты выдвинули аргумент о том, что предоставление таких заверений или гарантий выходит за сферу охвата обязательств, предусмотренных Конвенцией, и что Суд не компетентен их требовать. В любом случае, официальные заверения и гарантии являются беспрецедентными и не должны требоваться. Право Германии на средство правовой защиты ограничивается получением извинения, которое было предоставлено Соединенными Штатами. Кроме того, какие-либо заверения или гарантии не представляются уместными с учетом серьезных мер, которые были приняты Соединенными Штатами с целью обеспечения того, чтобы в будущем федеральные должностные лица и должностные лица на уровне штатов соблюдали положения Конвенции в будущем. По вопросу о компетенции Суд постановил...

"что спор, касающийся надлежащих средств правовой защиты в связи с нарушением Конвенции, о существовании которого утверждает Германия, вызван толкованием или применением Конвенции, а следовательно относится к компетенции Суда. В тех случаях, когда существует компетенция в отношении спора по конкретному вопросу,

---

¹⁴² Reprinted in *I.L.M.*, vol. IV (1965), p. 698.

¹⁴³ *LaGrand (Germany v. United States of America), Merits*, judgment of 27 June 2001.

для рассмотрения Судом средств правовой защиты, запрошенных одной из сторон в связи с нарушением обязательства, не требуется какого-либо отдельного основания для подтверждения компетенции. Таким образом, в рассматриваемом случае Суд имеет компетенцию в отношении четвертого представления Германии"¹⁴⁴.

По вопросу о целесообразности Суд отметил, что извинение было бы недостаточным в любом случае, когда иностранный гражданин был "подвергнут содержанию под стражей в течение длительного срока или приговорен к суровым наказаниям" без надлежащего консульского уведомления¹⁴⁵. Однако в свете информации, представленной Соединенными Штатами относительно мер, принятых с целью обеспечения соблюдения Конвенции в будущем, Суд постановил...

"что заявленное Соединенными Штатами обязательство обеспечить осуществление конкретных мер, принятых с целью выполнения его обязательств по пункту 1 b) статьи 36, следует рассматривать в качестве удовлетворяющего просьбу Германии о предоставлении общего заверения неповторения"¹⁴⁶.

Относительно запрошенных Германией конкретных заверений Суд ограничился заявлением о том, что...

"...если Соединенные Штаты, несмотря на их вышеупомянутое обязательство... не будут выполнять свою обязанность по консульскому уведомлению в ущерб интересам граждан Германии, извинения будет недостаточно в случаях заключения соответствующих лиц под стражу на длительные сроки или осуждения и вынесения приговоров, предусматривающих суровые наказания. В случае такого осуждения и приговора Соединенным Штатам надлежало бы предоставить возможность проведения повторного рассмотрения и пересмотра осуждения и приговора с учетом нарушения прав, закрепленных в Конвенции"¹⁴⁷.

---

¹⁴⁴ *Ibid.*, para. 48, citing *Factory at Chorzów, Jurisdiction, 1927, P.C.I.J., Series A., No. 9*, p. 22.

¹⁴⁵ *LaGrand, Merits*, judgment of 27 June 2001, para. 123.

¹⁴⁶ *Ibid.*, para. 124; см. также the *dispositif*, para. 128 (6).

¹⁴⁷ *Ibid.*, para. 125. См. также *ibid.*, para. 127, and the *dispositif*, para. 128 (7).

Таким образом, Суд подтвердил свою компетенцию в отношении четвертого представления Германии и представил на него ответ в постановляющей части. Однако он не обсуждал правовую основу заверений неповторения.

11) Заверения или гарантии неповторения могут испрашиваться через обеспечение сатисфакции (например, отмена законодательства, позволившего совершение нарушения), и между этими двумя понятиями на практике существует частичное совпадение¹⁴⁸. Однако их лучше рассматривать в качестве одного из аспектов продолжения и восстановления правовых отношений, которые были затронуты нарушением. В тех случаях, когда заверения и гарантии неповторения испрашиваются потерпевшим государством, речь идет главным образом об усилении продолжающихся правовых отношений, и основное внимание уделяется будущему, а не прошлому.

12) Как правило, заверения предоставляются в устной форме, тогда как гарантии неповторения требуют нечто большего - например, принятия ответственным государством превентивных мер с целью недопущения повторения нарушения. Что касается типа гарантий, которые могут испрашиваться, то международная практика варьируется. Как правило, потерпевшее государство требует либо гарантий неповторения противоправного деяния без уточнения формы таких гарантий¹⁴⁹ или в тех случаях, когда противоправное деяние затрагивает его граждан, - заверений относительно более эффективной защиты частных лиц и имущества¹⁵⁰. В связи с делом "*Лаграндов*" Суд достаточно четко оговорил обязательство, которое возникнет для Соединенных Штатов в случае будущего нарушения, однако добавил, что "это обязательство может быть осуществлено различными способами. Выбор средств должен осуществляться Соединенными Штатами"¹⁵¹. Он также отметил, что государство может быть не в состоянии

---

¹⁴⁸ См. комментарий к статье 36, пункт 5.

¹⁴⁹ В случае произошедшего в 1904 году инцидента "*Dogger Bank*" Соединенное Королевство потребовало "гарантии неповторения столь неприемлемых инцидентов": Martens, *Nouveau Recueil*, 2nd series, vol. XXXIII, p. 642. См. также обмен нотами между Китаем и Индонезией после совершенного в марте 1966 года нападения на Генеральное консульство Китая в Джакарте, в которой заместитель министра иностранных дел Китая потребовал гарантии того, что такие инциденты не будут повторяться в будущем: *R.G.D.I.P.*, vol. 70 (1966), p. 1013.

¹⁵⁰ Такие заверения были предоставлены в связи с инцидентом "*Doane*" в 1886 году Moore, *Digest*, vol. VI, pp. 345-346.

¹⁵¹ *LaGrand, Merits*, judgment of 27 June 2001, para. 125.

предоставить твердую гарантию неповторения¹⁵². Вопрос о том, сможет ли государство сделать это надлежащим образом, будет зависеть от характера соответствующего обязательства.

13) В некоторых случаях потерпевшее государство может просить ответственное государство принять конкретные меры или предпринять конкретные действия с целью недопущения повторения. Порой потерпевшее государство просто стремится получить от ответственного государства заверения о том, что в будущем оно будет уважать права потерпевшего государства¹⁵³. В других случаях потерпевшее государство выдвигает требование о том, чтобы были отданы конкретные распоряжения¹⁵⁴ или избрано другое конкретное поведение¹⁵⁵. Однако заверения и гарантии неповторения не всегда являются уместными, даже если они испрашиваются. Многое зависит от обстоятельств конкретного случая, включая характер обязательства и нарушения. Заверения и гарантии, по всей видимости, будут являться уместными лишь в тех случаях, когда существует

---

¹⁵² Ibid., para. 124.

¹⁵³ См., например, дело 1901 года, в связи с которым Оттоманская империя предоставила официальные заверения в том, что отныне британские, австрийские и французские почтовые службы будут свободно действовать на ее территории: *R.G.D.I.P.*, vol. 8 (1901), p. 777, at pp. 788, 792.

¹⁵⁴ См., например, инциденты, связанные с "Герцогом" и "Бундесратом", двумя германскими кораблями, захваченными британскими военно-морскими силами в декабре 1899 года и январе 1900 года во время англо-бурской войны, в связи с которыми Германия обратила внимание Великобритании на "необходимость издания распоряжений командующим британскими военно-морскими силами не чинить препятствий торговым судам Германии в районах, не относящихся к театру боевых действий": Martens, *Nouveau Recueil*, 2nd series, vol. XXIX, p. 456, 486.

¹⁵⁵ При рассмотрении дела "*Trail Smelter*" арбитражный трибунал оговорил меры, которые должны быть приняты "*Trail Smelter*", включая меры, направленные на "предотвращение дальнейших значительных последствий в Соединенных Штатах": *Trail Smelter (United States of America/Canada)*. *R.I.A.A.*, vol. III, p. 1905 (1938, 1941), p. 1934. Просьбы, касающиеся изменения или отмены законодательства, зачастую представляются международными органами. См., например, решения Комитета по правам человека: *Торрес Рамирес против Уругвая*, решение от 23 июля 1980 года, пункт 19, A/35/40, стр. 178; *Ланса против Уругвая*, решение от 3 апреля 1980 года, там же, стр. 169, пункт 17; *Дермит Барбатто против Уругвая*, решение от 21 октября 1982 года, A/38/40, стр. 166, пункт 11.

реальная опасность повторения в ущерб интересам испрашивающего государства. Об исключительном характере этих мер свидетельствуют слова "если того требуют обстоятельства", фигурирующие в конце пункта b). Обязанность ответственного государства в отношении предоставления заверений и гарантий неповторения сформулирована достаточно гибко, чтобы избежать предъявления чрезмерных или избыточных претензий, которые сопровождали некоторые просьбы о предоставлении государствами заверений и гарантий в прошлом.

Статья 31

Возмещение

1. Ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием.
2. Вред включает любой ущерб, материальный или моральный, нанесенный международно-противоправным деянием государства.

Комментарий

1) Обязательство, касающееся предоставления полного возмещения, является вторым обязательством ответственного государства после совершения международно-противоправного деяния. Общий принцип последствий совершения международно-противоправного деяния был изложен Постоянной палатой Международного Правосудия в связи с делом "*Коржовская фабрика*":

"Принципом международного права является то, что нарушение обязательства влечет за собой обязательство обеспечить возмещение в адекватной форме. В связи с этим возмещение является необходимым дополнением к неприменению конвенции, и в самой конвенции нет никакой необходимости указывать на это. Разногласия относительно возмещения, которое может причитаться по причине неприменения конвенции, вследствие этого являются разногласиями, связанными с ее применением"¹⁵⁶.

---

¹⁵⁶ *Factory at Chorzów, Jurisdiction, 1927, P.C.I.J., Series A, No. 9, p. 21.*

В этой выдержке, которая неоднократно цитировалась и применялась¹⁵⁷, Суд использовал термин "возмещение" в его самом общем понимании. Он отверг довод Польши о том, что юрисдикционные полномочия на толкование и применение договора не влекут за собой юрисдикционных полномочий на разрешение споров в отношении формы и размера причитающегося возмещения. На том этапе спора Германия уже более не добивалась возвращения фабрики, о которой шла речь, или имущества, изъятого с нее, в пользу своего гражданина.

2) На последующем этапе того же дела Суд далее конкретизировал в более развернутом виде содержание обязательства о возмещении. Он указал:

"Основной принцип, содержащийся в самом понятии противоправного деяния - принцип, который, как представляется, установлен международной практикой и, в частности, решениями арбитражных судов, - состоит в том, что возмещение должно, насколько это возможно, ликвидировать все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовала бы, если бы это деяние не было совершено. Реституция натурой или, если это невозможно, выплата суммы, соответствующей размеру реституции в натуре; назначение, если есть необходимость, компенсации за понесенный убыток, который не покрывался бы реституцией в натуре или производимой вместо нее выплатой, - таковы принципы, которые должны использоваться для определения размера компенсации, причитающейся за деяние, противоречащее международному праву"¹⁵⁸.

В первом предложении Суд дал общее определение возмещения, подчеркнув, что его функция состоит в восстановлении ситуации, порожденной нарушением¹⁵⁹. Во втором предложении он рассматривает аспект возмещения, охватываемый "компенсацией" за противоправное деяние, т.е. реституцию или ее размер, а также компенсацию убытков, понесенных в результате противоправного деяния.

---

¹⁵⁷ Ср. ссылку Международного суда на это решение в контексте заверений и гарантий неповторения в связи с рассмотрением дела "*Лаграндов*" (*Germany v. United States of America*), *Merits*, judgment of 27 June 2001, para. 48.

¹⁵⁸ *Factory at Chorzów, Merits*, 1928, *P.C.I.J., Series A, No. 17*, p. 47.

¹⁵⁹ Ср. П.-М. Дюпюи, "Le fait générateur de la responsabilité des États", *Recueil des cours*, vol. 188 (1984-V), p. 9, at p. 94, который употребляет термин "restauration".

3) Обязательство, возлагаемое на ответственное государство статьей 31, заключается в предоставлении "полного возмещения", подобно тому, как это имело место в связи с делом "*Коржовской фабрики*". Другими словами, ответственное государство должно стремиться ликвидировать все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовала бы, если бы это деяние не было совершено"¹⁶⁰, посредством использования одной или нескольких форм возмещения, о которых говорится в Главе 2 настоящей Части.

4) Общее обязательство по возмещению сформулировано в статье 31 в качестве прямого следствия ответственности государства, т.е. скорее в качестве обязательства ответственного государства, возникающего в результате нарушения, а не права потерпевшего государства или государств. Эта формулировка позволяет избегать трудностей, которые могут возникать в том случае, когда одно и то же обязательство существует одновременно в отношении нескольких, многих или всех государств, лишь некоторые из которых оказываются наиболее затронутыми нарушением. Однако совершенно отдельно от вопросов, возникающих в том случае, когда более чем одно государство имеет право ссылаться на ответственность¹⁶¹, общее обязательство по возмещению возникает автоматически после совершения международно-противоправного деяния и в качестве такового не зависит от требования или протеста любого государства, несмотря на то, что форма, в которой должно представляться возмещение в конкретных обстоятельствах, может зависеть от ответа потерпевшего государства или государств.

5) Обязательство ответственного государства по предоставлению полного возмещения связано с "вредом, нанесенным международно-противоправным деянием". Понятие "вред", определение которого содержится в пункте 2, следует понимать в широком значении как охватывающее любой ущерб, нанесенный данным деянием. Ссылка на "моральный ущерб" в дополнение к "материальному" преследует цель обеспечить расширенное толкование понятия "вред". Этим объясняется использование в пункте 2 слова "включает". "Материальный" ущерб касается ущерба, нанесенного имуществу или другим интересам государства или его граждан, который легко определяется в денежном

---

¹⁶⁰ *Factory in Chorzów, Merits, 1928, P.C.I.J., Series A, No. 17, p. 47.*

¹⁶¹ В отношении государств, имеющих право ссылаться на ответственность, см. статьи 42 и 48 и комментарий. В отношении ситуации, в которой существует несколько потерпевших государств, см. статью 46 и комментарий.

исчислении. "Моральный" ущерб охватывает такие понятия, как боль и страдания людей, потерю близких или личное оскорбление, связанное со вторжением в жилище или вмешательством в личную жизнь. Согласно пункту 2, вред не ограничивается нанесением материального или морального ущерба. Он включает также нанесение ущерба юридическому интересу государства как таковому, независимо от того, может ли это рассматриваться в качестве "морального" ущерба¹⁶². Вопросы, касающиеся возмещения за такие формы ущерба, более подробно рассматриваются в Главе II настоящей Части¹⁶³.

6) Вопрос о том, является ли нанесение ущерба защищаемому интересу необходимым элементом международно-противоправного деяния, уже обсуждался¹⁶⁴. Как правило, такого требования не существует; скорее, этот вопрос определяется соответствующей первичной нормой. В некоторых случаях существо несправедливости состоит в причинении фактического ущерба другому государству. В некоторых случаях основное значение имеет непринятие необходимых мер предосторожности с целью предотвращения причинения ущерба, даже если впоследствии никакой ущерб причинен не был. В других случаях речь идет о прямом обязательстве по принятию конкретной меры, например по включению единообразных правил во внутригосударственное право. В каждом конкретном случае меры, которые необходимо принять, определяются первичным обязательством. Поэтому статья 12 определяет нарушение международного обязательства в качестве несоблюдения обязательства.

7) Из вышесказанного следует, что, помимо любых требований, закрепленных соответствующим первичным обязательством, не существует никакого общего требования о том, что государство должно понести материальный ущерб или вред, прежде чем оно сможет требовать предоставления возмещения за совершенное нарушение. Наличие фактически причиненного ущерба будет иметь важное значение для определения формы и

---

¹⁶² Общую информацию по понятиям "вред" и "ущерб" см. В. Bollecker-Stern, *Le préjudice dans le théorie de la responsabilité internationale* (Paris, Pédone, 1973); В. Graefrath, "Responsibility and damage caused: relations between responsibility and damages", *Recueil des cours*, vol. 185 (1984-II), p. 9; А. Tanzi, "Is Damage a Distinct Condition for the Existence of an Internationally Wrongful Act?", М. Spinedi & В. Simma (eds), *United Nations Codification of State Responsibility* (New York, Oceana, 1987), p. 1; I. Brownlie, *State Responsibility Part I* (Oxford, Clarendon Press, 1983), pp. 53-88.

¹⁶³ См., в частности, статью 36 и комментарий.

¹⁶⁴ См. комментарий к статье 2, пункт 10.

размера возмещения. Однако никакого общего требования о существовании материального ущерба или вреда, для того чтобы государство имело право ходатайствовать о предоставлении той или иной формы возмещения, не существует. В ходе арбитражного разбирательства по делу "*Рейнбоу Уорриор*" первоначально выдвигался аргумент о том, что "в теории международной ответственности наличие ущерба является необходимым условием, создающим основу для материальной ответственности за предоставление возмещения", однако впоследствии стороны согласились с тем, что...

"вследствие незаконных действий против нематериальных интересов, например действий, затрагивающих честь, достоинство или престиж государства, у потерпевшего государства появляется право на получение адекватного возмещения, даже если эти действия не повлекли за собой денежных или материальных убытков для государства-истца"¹⁶⁵.

Трибунал постановил, что совершенное Францией нарушение "вызвало негодование и возмущение общественности в Новой Зеландии и причинило новый, дополнительный нематериальный ущерб... морального, политического и правового характера, явившийся результатом оскорбления достоинства и престижа не только Новой Зеландии как таковой, но и ее высших судебных и исполнительных органов власти"¹⁶⁶. Таким образом, необходимость в решении "концептуального спора между сторонами по вопросу о том, является ли наличие вреда предварительным условием для появления ответственности"¹⁶⁷, отсутствовала.

8) В тех случаях, когда два государства договорились избрать определенное поведения, несоблюдение одним из государств взятого на себя обязательства неизбежно затрагивает другое. Нарушение взятого обещания соответствующим образом затрагивает право другого государства рассчитывать на выполнение обязательства. Применение на этом этапе вторичных норм, касающихся ответственности государств, согласно которым никакой ответственности не возникает по причине отсутствия поддающегося оценке

---

¹⁶⁵ *Rainbow Warrior (New Zealand/France)*, R.I.A.A., vol. XX, p. 217 (1990), at p. 267, para. 109.

¹⁶⁶ Ibid. at p. 267, para. 110.

¹⁶⁷ Ibid. at p. 267, para. 109.

ущерба или вреда, было бы неоправданным. Если стороны хотели бы придерживаться такой формулировки рассматриваемого обязательства, они могли бы это сделать. Во многих случаях ущерб, который может возникнуть вследствие нарушения (например: ущерб для рыбного промысла, обусловленный рыбной ловлей во время закрытого сезона, ущерб окружающей среде вследствие бездействия, превышающий установленный предел, забор воды из реки свыше разрешенного объема), может быть отдаленным, возможным или неточным. Тем не менее государства могут брать на себя безоговорочные обязательства, сразу же вступающие в силу, для защиты своих долгосрочных интересов в таких областях.

9) Поэтому в статье 31 понятие "вред" определяется с помощью всеохватывающей формулировки, предполагающей, что определение конкретных мер, которые требуются в каждом случае, будет осуществляться на основе первичных обязательств. Понятие "вреда" распространяется на материальный, моральный и юридический вред, в зависимости от конкретного случая, с учетом нарушенного обязательства. Содержащееся в пункте 2 определение понятия "вред" охватывает как те виды вреда, которые влекут за собой обязательства по реституции и компенсации, так и те, которые могут влечь за собой обязательство по сатисфакции в соответствии с положениями настоящих Статей.

10) В пункте 2 затрагивается еще один вопрос, а именно вопрос о каузальной связи между международно-противоправным деянием и вредом. Обязательство в отношении предоставления полного возмещения касается лишь "вреда..., нанесенного международно-противоправным деянием государства". Цель этого выражения заключается в разъяснении того, что объектом возмещения в общем плане является вред, возникший в результате совершения противоправного деяния и относящийся к нему, а не какие-либо другие последствия, вытекающие из совершения международно-противоправного деяния.

11) Отнесение ущерба или убытков на счет противоправного деяния является в принципе правовым, а не просто хронологическим или каузальным процессом. Для описания связи, которая должна существовать между противоправным деянием и вредом для возникновения обязательства по возмещению, употребляются различные термины. К примеру, можно сослаться на убытки, "которые могут быть отнесены [на счет противоправного деяния] в качестве непосредственной причины"¹⁶⁸, или на ущерб,

---

¹⁶⁸ См. United States-Germany Mixed Claims Commission, *Administrative Decision No. II, R.I.A.A.*, vol. VII, p. 23 (1923), at p. 30. См. также *Dix, R.I.A.A.*, vol. IX, p. 119 (1902), at p. 121, а также заявление Канады с изложением иска после распада советского спутника "Космос 954" с ядерной установкой над его территорией в 1978 году: *I.L.M.*, vol. 18 (1979), p. 907, para. 23.

который является "слишком косвенным, отдаленным и неточным, для того чтобы его можно было оценить"¹⁶⁹, или на любые прямые потери, ущерб, включая ущерб окружающей среде и истощение природных ресурсов, или вред, причиненный иностранным правительствам, физическим и юридическим лицам в результате противоправного деяния¹⁷⁰. Таким образом, "фактическая" каузальность является необходимым, но недостаточным условием для возмещения. Имеется еще один элемент, связанный с исключением такого вреда, который слишком "удален" или "опосредован", чтобы быть предметом возмещения. В некоторых случаях может использоваться критерий "непосредственности"¹⁷¹, в других - "предсказуемости"¹⁷² или "близости"¹⁷³.

---

¹⁶⁹ См. the *Trail Smelter* arbitration, *R.I.A.A.*, vol. III, p. 1905 (1938, 1941), at p. 1931. См. также А. Наугоиу, "Les dommages indirects dans les arbitrages internationaux", *R.G.D.I.P.*, vol. 31 (1924), p. 209, который ссылается на арбитражное разбирательство по делу "Алабама" как на наиболее яркий пример применения правила, исключаящего "косвенный" ущерб.

¹⁷⁰ Резолюция 687 (1991) Совета Безопасности, пункт 16. Эта резолюция была принята на основании главы VII, однако она нацелена на то, чтобы отразить ответственность Ирака "по международному праву... в результате незаконного вторжения Ирака и оккупацией им Кувейта". Компенсационная комиссия Организации Объединенных Наций и Совет управляющих выработали некоторые руководящие положения относительно толкования требований в отношении непосредственности и каузальности по пункту 16. См., например, *Claims Against Iraq (Category "B" Claims)*, Report of 14 April 1994 (S/AC.26/1994/1), reproduced in *I.L.R.*, vol. 109, p. 127; approved by Governing Council Decision 20, 26 May 1994 (S/AC.26/Dec.20), reproduced in *I.L.R.*, vol. 109, p. 622; *Well Blowout Control Claim*, Report of 15 November 1996 (S/AC.26/1996/5), reproduced in *I.L.R.*, vol. 109, p. 480, at pp. 506-511, paras. 66-86; approved by Governing Council Decision 40, 17 December 1996 (S/AC.26/Dec.40), reproduced in *I.L.R.*, vol. 109, p. 669.

¹⁷¹ Как в резолюции 687 (1991) Совета Безопасности, пункт 16.

¹⁷² См., например, дело "*Naulilaa*" (Ответственность Германии за ущерб, причиненный в португальских колониях на юге Африки) (*Portugal v. Germany*), *R.I.A.A.*, vol. II, p. 1011 (1928), at p. 1031.

¹⁷³ Для сравнительного анализа вопросов каузальности и удаленности см., к примеру, H.L.A. Hart & A.M. Honoré, *Causation in the Law* (2nd edn) (Oxford, Clarendon Press, 1985); A.M. Honoré, "Causation and Remoteness of Damage", in *International Encyclopedia of Comparative Law* (A. Tunc, ed.), vol. XI, Part 1, chap. VII, p. 156; K. Zweigert and H. Kötz, *Introduction to Comparative Law* (3rd ed) (trans. J.A. Weir) (Oxford, Clarendon Press, 1998), pp. 601-627 (esp. p. 609ff.); B.S. Markesinis, *The German Law of Obligations. Volume II. The Law of Torts: A Comparative Introduction* (Oxford, Clarendon Press, 3rd ed., 1997), pp. 95-108, со многими ссылками на литературу.

Однако могут иметь значение и другие факторы: например, был ли рассматриваемый ущерб преднамеренно причинен государственными органами или был ли ущерб причинен в рамках сферы охвата нарушенной нормы с учетом целей этой нормы¹⁷⁴. Другими словами, требование о наличии каузальной связи необязательно является одинаковым применительно к каждому нарушению международного обязательства.

В международном, как и в национальном, праве вопрос удаленности ущерба "не является частью права, которую можно удовлетворительно урегулировать путем изыскания одной словесной формулы"¹⁷⁵. Концепция достаточной каузальной связи, которая не является слишком отдаленной, воплощена в общем требовании статьи 31 о том, что ущерб должен являться следствием противоправного деяния, однако без добавления какой-либо конкретной ограничивающей фразы.

12) Еще один элемент, сказывающийся на сфере охвата возмещения, связан с вопросом о смягчении ущерба. Как ожидается, даже в полной мере безвинная жертва противоправного поведения должна действовать разумно, когда ей нанесен вред. Хотя в этом отношении часто применяется фраза "обязанность смягчать", это не является правовым обязательством, которое само по себе порождает ответственность. Скорее несмягчение потерпевшей стороной может исключить в этой степени получение компенсации¹⁷⁶. В этом смысле на это ясно было указано Международным Судом при рассмотрении дела "*О проекте Габчиково-Надьмарош*":

---

¹⁷⁴ См., например, решение Трибунала для рассмотрения претензий Ирана и Соединенных Штатов по делу *Islamic Republic of Iran v. United States of America, Cases Nos. A15(IV) and A24*, Award No. 590-A15(IV)/A24-FT, 28 December 1998.

¹⁷⁵ P.S. Atiyah, *An Introduction to the Law of Contract* (5th edn) (Oxford, Clarendon Press, 1995), p. 466.

¹⁷⁶ По делу *Well Blowout Control Claim* Группа Компенсационной комиссии Организации Объединенных Наций отметила, что "согласно общим принципам международного права, касающимся смягчения ущерба... истцу было не только разрешено, но он был даже обязан предпринять разумные шаги по... смягчению причиненного убытка, ущерба или вреда": Report of 15 November 1996 (S/AC.26/1994/5), reproduced in *I.L.R.*, vol. 109, at pp. 502-503, para. 54.

"Словакия также считала, что она действовала в рамках обязательства по смягчению ущерба, когда ею был осуществлен вариант С. Она указала, что "общий принцип международного права состоит в том, что страна, потерпевшая в результате невыполнения другой договаривающейся стороной, должна стремиться смягчать причиненный ей ущерб". Из такого принципа следовало бы, что потерпевшее государство, которое не приняло необходимых мер по ограничению причиненного ущерба, не имело бы права искать компенсацию за тот ущерб, который можно было бы избежать. Хотя этот принцип мог бы таким образом служить основой для исчисления компенсации за ущерб, он, с другой стороны, не мог бы оправдать противоправное в ином отношении деяние"¹⁷⁷.

13) Зачастую два отдельных фактора взаимно накладываются в нанесении ущерба. В деле "*Дипломатический и консульский персонал*"¹⁷⁸ первоначальный захват заложников воинствующими студентами (не действовавшими в то время в качестве органов или агентов государства) объяснялся комбинацией собственных независимых действий студентов и непринятием иранскими властями необходимых шагов по защите посольства. В деле "*Пролив Корбу*"¹⁷⁹ ущерб британским судам был причинен как действиями третьего государства, установившего мины, так и действиями Албании, не предупредившей об их наличии. Хотя в таких случаях вред, о котором идет речь, в действительности был причинен в результате комбинации факторов, лишь один из которых может быть отнесен на счет несущего ответственность государства, международная практика и решения международных судов не поддерживают сокращения

---

¹⁷⁷ *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, I.C.J. Reports 1997, p. 7, at p. 55, para. 80.

¹⁷⁸ *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran* I.C.J. Reports 1980, p. 3, at pp. 29-32.

¹⁷⁹ *Corfu Channel, Merits*, I.C.J. Reports 1949, p. 4, at pp. 17-18, 22-23.

или смягчения возмещения за ущерб, наступивший в результате совпадающих причин¹⁸⁰, за исключением случаев способствующей вины¹⁸¹. К примеру, по делу "*Пролив Корфу*" Соединенное Королевство было компенсировано в полном объеме своего иска против Албании, основанием для чего послужило противоправное непредупреждение ею о минах, несмотря на тот факт, что Албания не устанавливала эти мины¹⁸². Такой результат должен следовать а fortiori в случаях, когда совпадающая причина не является актом другого государства (которому ответственность смогла бы вменяться отдельно), а является актом физических лиц или результатом какого-то стихийного бедствия, такого, как наводнение. Так, по делу "*Дипломатический и консульский персонал*" Исламская Республика Иран была признана несущей полную ответственность за задержание заложников с момента непринятия ею мер по их защите¹⁸³.

14) Случаи, когда различимый элемент вреда может должным образом быть отнесен на счет лишь одной из нескольких совпадающих причин, действительно могут иметь место. Однако несущее ответственность государство должно признаваться ответственным за все

---

¹⁸⁰ Этот подход соответствует подходу, в рамках которого эти вопросы обычно рассматриваются во внутригосударственном праве. "Очень общий характер носит норма, гласящая, что в случае признания поведения причинителя вреда причиной вреда, нанесенного потерпевшему, причинитель вреда несет ответственность за выплату компенсации за весь причиненный таким образом вред, несмотря на то, что имела место совпадающая причина этого вреда и что кто-то еще несет ответственность за эту причину... Иными словами, на ответственности причинителя вреда в отношении потерпевшего не сказывается соображение о том, что одновременно несет ответственность еще кто-то": J.A. Weir, "Complex Liabilities", in *International Encyclopedia of Comparative Law*, vol. XI, Torts (A. Tunc, ed., 1983), p. 41. Соединенные Штаты исходили именно из этого опыта в сфере сравнительного права в своих заявлениях о невинности по делу *Aerial Incident Cases (United States of America v. Bulgaria)*, когда они заявили, ссылаясь на статьи 38 (1) c) и d) Статута, что "во всех цивилизованных странах эта норма, в сущности, одинакова. Пострадавший истец может подать в суд на любого или на всех совместных причинителей вреда в совокупности или солидарно, хотя он может получить компенсацию от них, или одного или более из них, лишь в полном размере нанесенного ему ущерба". Memorial of 2 December 1958, in *I.C.J. Pleadings, Aerial Incident of 27 July 1955*, at p. 229.

¹⁸¹ См. статью 39 и комментарий.

¹⁸² См. *Corfu Channel (Assessment of the Amount of Compensation)*, *I.C.J. Reports 1949*, p. 244, at p. 250.

¹⁸³ *I.C.J. Reports, 1980*, p. 3 at pp. 31-33.

последствия всего противоправного поведения, за исключением слишком удаленных, лишь в том случае, если нельзя доказать, что некоторая часть ущерба может быть отдельно выделена с каузальной точки зрения того ущерба, который вменяется этому государству. При рассмотрении иска "*Зафиро*" Суд прошел дальше и по сути возложил на несущее ответственность государство бремя доказывания того, какая доля ущерба не могла быть отнесена на счет его поведения. Он заявил:

"Нам представляется ясным, что не весь ущерб причинен китайской командой "*Зафиро*". Материалы дела показывают, что неподдающаяся установлению доля ущерба были причинена филиппинскими повстанцами, и делают вероятным, что некоторая часть ущерба причинена китайскими служащими компании. Однако мы не считаем, что на Великобритании лежит бремя доказывания того, в каких частях ущерб может быть отнесен за счет "*Зафиро*". Поскольку было продемонстрировано существенное участие китайской команды "*Зафиро*", а часть, которую можно отнести на счет неизвестных правонарушителей, не поддается определению, мы затрудняемся в признании Соединенных Штатов, несущими ответственность за весь ущерб. Вместе с тем, ввиду установления нами того, что значительная, хотя и не поддающаяся определению часть ущерба не может быть отнесена на счет китайской команды "*Зафиро*", мы считаем, что выплату процентов по искам разрешать не следует¹⁸⁴".

15) Порой выражаются опасения в отношении того, что общий принцип возмещения всех убытков, связанных с нарушением, может привести к тому, что размер возмещения совершенно не будет соответствовать степени тяжести нарушения. Однако понятие "пропорциональность" применяется по-разному к различным формам возмещения¹⁸⁵. Этот вопрос надлежащим образом рассматривается в отдельных статьях Главы II, касающихся форм возмещения.

Статья 32

Недопустимость ссылки на внутригосударственное право

Ответственное государство не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права в качестве оправдания для невыполнения своих обязательств в соответствии с настоящей Частью.

---

¹⁸⁴ "*The Zafiro*", *R.I.A.A.*, vol. VI, p. 160 (1925), at pp. 164-165.

¹⁸⁵ См. статьи 35 b), 37 (3), 39 и комментарии к ним.

Комментарий

1) Статья 3 посвящена роли внутригосударственного права в квалификации деяния как противоправного. В статье 32 четко говорится о неприменимости внутригосударственного права к соблюдению обязательств, касающихся прекращения деяния и предоставления возмещения. Она предусматривает, что государство, совершившее международно-противоправное деяние, не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права в качестве оправдания для невыполнения своих обязательств в соответствии с этой Частью. Как статья 3, так и статья 32 закрепляют для целей ответственности государства общий принцип, согласно которому государство не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права в качестве оправдания невыполнения своих международных обязательств¹⁸⁶. Хотя у государства, сталкивающегося с препятствием в виде соблюдения норм своего внутригосударственного права, которым оно обязано следовать, могут возникать практические трудности, государство не вправе выдвигать свое внутригосударственное право или практику в качестве правового барьера для выполнения международного обязательства, вытекающего из Части второй.

2) Статья 32 сформулирована по аналогии с положениями статьи 27 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров¹⁸⁷, которая предусматривает, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Этот общий принцип также применим к международным обязательствам, вытекающим из вторичных норм об ответственности государства, закрепленных в Части второй. Действие этого принципа может ограничиваться соответствующей первичной нормой или вторичным *lex specialis*, таким, как статья 41 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая предусматривает справедливое удовлетворение вместо полного возмещения, "если внутреннее право вышеуказанной страны предусматривает только частичное возмещение ущерба"¹⁸⁸.

---

¹⁸⁶ См. комментарий к статье 3, пункты 2-4.

¹⁸⁷ Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года, *U.N.T.S.*, vol. 1155, p. 331.

¹⁸⁸ *U.N.T.S.*, vol. 213, p. 221, с учетом измененной нумерации на основании Одиннадцатого протокола, 1994 год. К числу других примеров относятся статья 32 пересмотренного Общего акта о мирном урегулировании международных споров от 23 апреля 1949 года, *U.N.T.S.*, vol. 72, p. 101, и статья 30 Европейской конвенции о мирном урегулировании споров 1957 года, *U.N.T.S.*, vol. 320, p. 243.

3) Принцип, согласно которому ответственное государство не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права в качестве оправдания для невыполнения своих вторичных обязательств, вытекающих из совершения международно-противоправного деяния, подтверждается как практикой государств, так и решениями международных органов. Например, спор, имевший место в 1906 году между Японией и Соединенными Штатами в отношении проводимой Калифорнией дискриминационной политики в сфере образования, был решен путем пересмотра законодательства Калифорнии¹⁸⁹. В связи с инцидентом, касавшимся статьи 61 (2) Веймарской конституции, была принята конституционная поправка для обеспечения выполнения обязательства, вытекающего из статьи 80 Версальского договора¹⁹⁰. В связи с делом "*Peter Pázmány University*" Постоянная палата Международного Правосудия отметила, что на имущество, подлежащее возвращению, не должны "распространяться никакие меры по передаче, обязательному администрированию или конфискации"¹⁹¹. Короче говоря, международное право не признает подчинения обязательств ответственного государства согласно Части второй нормам внутригосударственного права и не допускает использования ссылок на такие нормы в качестве оправдания для невыполнения обязательств по прекращению деяния и возмещению ущерба.

Статья 33

Объем международно-правовых обязательств, установленных в настоящей Части

1. Обязательства ответственного государства, установленные в настоящей Части, могут быть обязательствами в отношении другого государства, в отношении нескольких государств или в отношении международного сообщества в целом, что зависит, в частности, от характера и содержания международно-правового обязательства и обстоятельств нарушения.
2. Настоящая Часть не затрагивает любого права, вытекающего из международной ответственности государства, которое может непосредственно приобретаться любым лицом или образованием, иным чем государство.

---

¹⁸⁹ См. R.L. Buell "The development of the anti-Japanese agitation in the United States", *Political Science Quarterly*, vol. 37 (1922), 620.

¹⁹⁰ *British and Foreign State Papers*, vol. 112, p. 1094.

¹⁹¹ *Appeal from a judgement of the Hungaro-Czechoslovak Mixed Arbitral Tribunal (The Peter Pázmány University)*, 1933, P.C.I.J., Series A/B, No. 61, p. 208, at p. 249.

Комментарий

1) Статья 33 завершает положения Главы I Части второй и оговаривает объем и воздействие охватываемых этой Частью международных обязательств. В частности, в пункте 1 ясно говорится о том, что определение государства или государств, в отношении которого существуют предусмотренные в Части второй обязательства ответственного государства, зависит как от первичной нормы, определяющей нарушенное обязательство, так и от обстоятельств нарушения. Например, загрязнение моря, если оно является серьезным и охватывает значительную территорию, может затрагивать международное сообщество в целом или прибрежные государства соответствующего региона; в других обстоятельствах оно может затрагивать лишь одно соседнее государство. Некоторые серьезные нарушения сами по себе являются противоправными деяниями, поскольку определение противоправного деяния как таковое предполагает охват лишь очень серьезных или крайних случаев (например, геноцида, преступлений против человечности), тогда как другие нарушения представляют собой противоправные деяния общего характера, которые в случае крайних обстоятельств или систематического повторения могут быть равнозначны серьезным нарушениям, затрагивающим всех членов международного сообщества. Разумеется, степень тяжести нарушения может также влиять на объем вторичных обязательств, связанных с прекращением и возмещением.

2) В соответствии с пунктом 1, обязательства ответственного государства в конкретном случае могут быть обязательствами в отношении другого государства, нескольких государств или в отношении международного сообщества в целом. Ссылка на несколько государств охватывает случай, в котором нарушение затрагивает все другие стороны договора или правового режима, предусмотренного в соответствии с обычным международным правом. Например, в тех случаях, когда обязательство может быть определено в качестве "интегрального", его нарушение государством неизбежно затрагивает все другие стороны соответствующего договора¹⁹².

3) В тех случаях, когда обязательство по возмещению ущерба существует в отношении государства, такое возмещение необязательно осуществляется в интересах самого государства. Например, ответственность государства за нарушение обязательства по договору, касающемуся защиты прав человека, может существовать в отношении всех других сторон данного договора, однако соответствующих индивидуумов следует рассматривать в качестве конечных бенефициаров и в этом смысле в качестве субъектов соответствующих прав. Индивидуальные права в рамках международного права могут

---

¹⁹² См. далее статью 43 b) ii) и комментарий.

также возникать вне рамок прав человека¹⁹³. О спектре имеющихся возможностей свидетельствует постановление Международного Суда по делу "*Лаграндов*"¹⁹⁴, в котором Суд постановил, что статья 36 Венской конвенции о консульских сношениях "создает индивидуальные права, на которые, согласно положениям статьи I Факультативного протокола, могут ссылаться в этом Суде представители государства, гражданином которого является содержащееся под стражей лицо"¹⁹⁵.

4) Подобные возможности объясняют необходимость пункта 2 статьи 33. Часть вторая касается вторичных обязательств государств в отношении прекращения деяния и возмещения, и эти обязательства могут существовать, в частности, в отношении одного или нескольких государств или международного сообщества в целом. В тех случаях, когда первичное обязательство существует в отношении негосударственного образования, может существовать некоторая процедура, в соответствии с которой это образование может сослаться на существование ответственности перед ним самим без посредничества какого-либо государства. Это имеет место, например, согласно договорам по правам человека, которые предусматривают право на обращение с ходатайством в суд или какой-либо другой орган для потерпевших частных лиц. Это также имеет место в случае прав, предусмотренных двусторонними или региональными соглашениями по защите инвестиций. Часть третья касается ссылки на ответственность другими государствами, независимо от того, рассматриваются ли они в качестве "потерпевших государств" по смыслу статьи 42 или других заинтересованных государства согласно статье 48, а также того, осуществляют ли они конкретные права, предполагающие ссылку на ответственность, согласно какой-либо конкретной норме (ср. статью 55). Настоящие статьи не рассматривают возможность ссылки на ответственность негосударственными образованиями, о чем ясно говорится в пункте 2. Вопрос о том, имеют ли право негосударственные образования, и если да, то в какой степени, ссылаться на ответственность перед ними самими как на первичную, должен определяться на основании конкретной первичной нормы. Пункт 2 лишь признает такую возможность, о чем свидетельствует выражение "которое может непосредственно приобретаться любым лицом или образованием, иным чем государство".

---

¹⁹³ Ср. *Jurisdiction of the Courts of Danzig, 1928, P.C.I.J., Series B, No. 15*, pp. 17-21.

¹⁹⁴ *LaGrand (Germany v. United States of America), Merits*, judgment of 27 June 2001.

¹⁹⁵ *Ibid.*, para. 77. В данных обстоятельствах Суд не счел необходимым принимать решение по вопросу о том, приобрели ли индивидуальные права "характер прав человека": *ibid.*, para. 78.